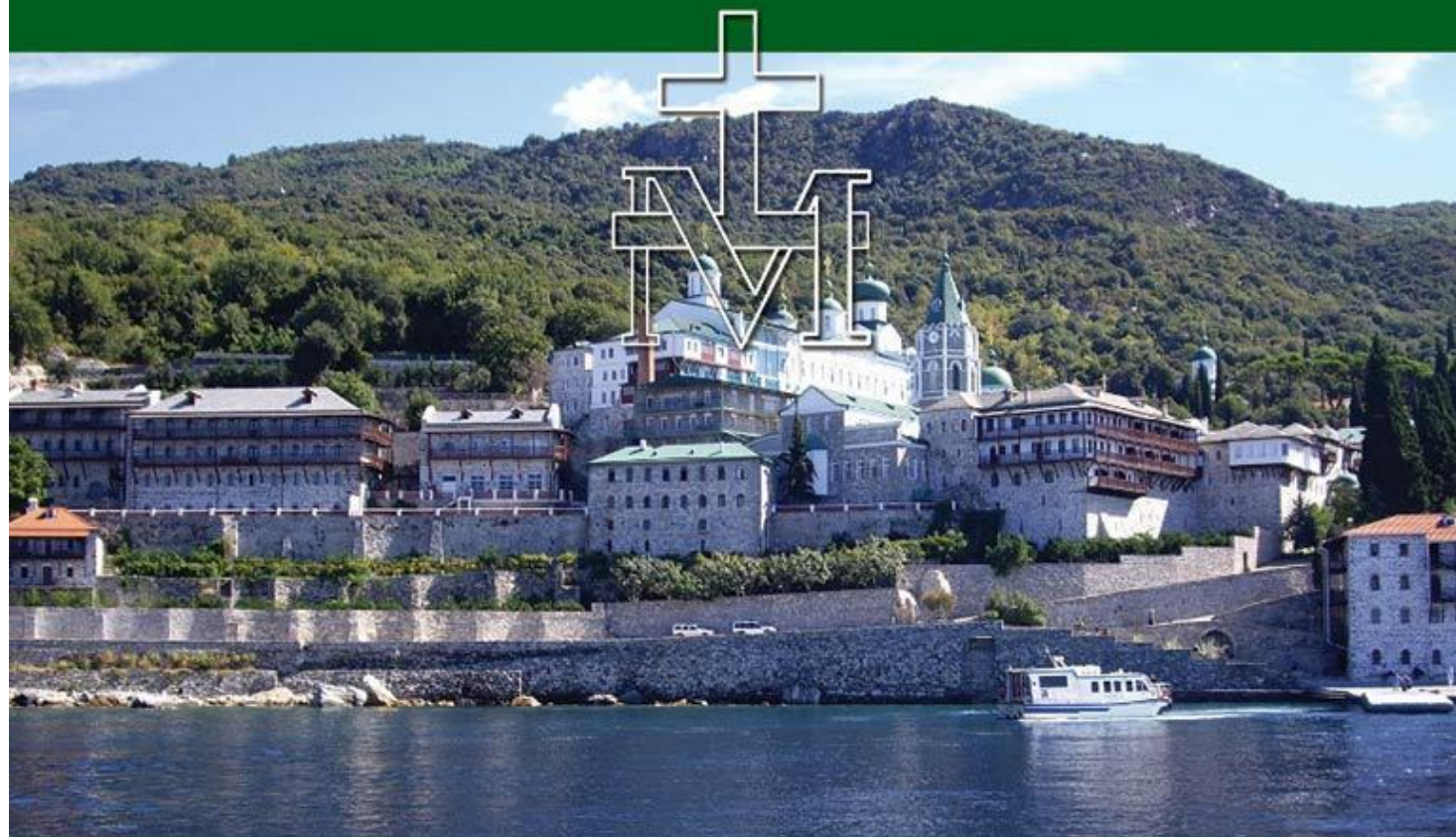

МИГЕЛЬ SEVERO

ПЛАНЕТА АФОН
ΑΓΙΟΝ ΟΡΟΣ

ПУТЕВЬЕ ЗАМЕТКИ ПИЛИГРИМА

Μιγελς Severo

Πλανητα Αφον. ΑΓΙΟΝ ΟΡΟΣ

«Αλιστορυσ»

2020

УДК 82-84
ББК 84.3

Severo M.

Планета Афон. ΑΓΙΟΝ ΟΡΟΣ / M. Severo — «Алисторус», 2020

ISBN 978-5-907255-78-4

Мигель Severo – позывные несостоявшегося разведчика, ставшие поэтическим псевдонимом вполне состоявшегося писателя. Вышедшая из-под его пера серия книг «Планета Афон» – своеобразная исповедь, которая как бы проводит параллель между трагедией Византийской империи в середине и трагедией Российской империи в конце второго тысячелетия от Рождества Христова. Афон! «Сомневаюсь, – констатирует автор, – что отыщутся среди христиан таковые, кто никогда не слышал о нём и никогда не произносил этого слова. Аще не все, кто слышал, знают о существовании монашеской республики. А если и знают, то не всем ведомо, что Игуменьей здесь – Сама Пречистая Дева Мария, Пресвятая Богородица. И уж совсем немногие, даже из тех, кому посчастливилось побывать здесь и подняться на Гору, знают, почему она названа Святой». Книга рассказывает об увлекательном путешествии по святым местам Афона, куда допускаются лишь избранные паломники, беседах с афонскими старцами, а также встречах с интересными православными людьми.

УДК 82-84

ББК 84.3

ISBN 978-5-907255-78-4

© Severo M., 2020

© Алисторус, 2020

Содержание

Вместо предисловия	7
Глава I	10
Глава II	16
Глава III	24
Глава IV	36
Глава V	48
Глава VI	61
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Мигель Severo

Планета Афон. АΓΙΟΝ ΟΡΟΣ

«Всё тайное рано или поздно становится явным».
[Сократ, V век до Р.Х.]

*Без Бога нация – толпа,
Объединённая пороком:
Или глупа, или слепа,
Или – ещё страшней – жестока.
И пусть на трон взойдёт любой,
Глаголящий высоким слогом,
Толпа останется толпой,
Пока не обратится к Богу!*

[Иеромонах Роман].

«Никто, зажегши свечу, не покрывает её сосудом, или не ставит под кровать, а ставит на подсвечник, чтобы входящие видели свет. Ибо нет ничего тайного, что не сделалось бы явным, ни сокровенного, что не сделалось бы известным и не обнаружилось бы».

[Евангелие от Луки, гл. 8; 16–17].

*Рожденные в года глухие
Пути не помнят своего.
Мы – дети страшных лет России —
Забывать не в силах ничего.
Испепеляющие годы!
Безумья ль в вас, надежды ль весть?
От дней войны, от дней свободы —
Кровавый отсвет в лицах есть.
Есть немота – то гул набата
Заставил заградить уста.
В сердцах, восторженных когда-то,
Есть роковая пустота.
И пусть над нашим смертным ложем
Взовьется с криком воронье, —
Те, кто достойней, Боже, Боже,
Да узрят Царствие Твое!*

8 сентября 1914
[З.Н.Гиппиус]

1-я книга серии

Издание второе, переработанное и дополненное МИГЕЛЬ SEVERO

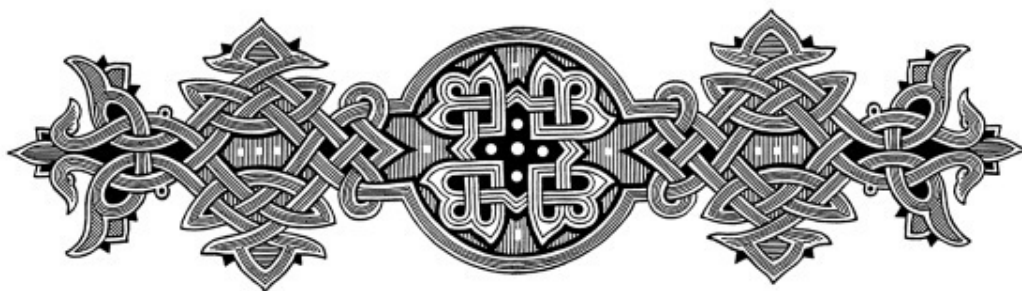
© МИГЕЛЬ SEVERO, 2020

© ООО «Издательство Родина», 2020

Вместо предисловия

Автор выражает благодарность доктору исторических наук Винокурову Николаю Игоревичу, кандидату исторических наук Косоруковой Марии Ивановне и Стрижову Юрию Васильевичу за предоставленный обширный материал по древней истории государства Российского.

Также автор благодарит фотохудожника Георгия Елади и Владимира Хохлова за любезно предоставленный фотоматериал, используемый в книге.

Афон! Сомневаюсь, что отыщутся среди христиан таковые, кто никогда не слышал о нём и никогда не произносил этого слова. Аще не все, кто слышал, знают о существовании монашеской республики. А если и знают, то не всем ведомо, что Игуменьей здесь – Сама Пречистая Дева Мария, Пресвятая Богородица. И уж совсем немногие, даже из тех, кому посчастливилось побывать здесь и подняться на Гору, знают, почему она названа Святой.

История Святой Горы насчитывает почти 20 веков. Согласно преданию, в 44 году от Рождества Христова Богородица в сопровождении Иоанна Богослова отправилась на корабле на остров Кипр посетить праведного Лазаря Четверодневного, ставшего архиепископом Кипра.

Но, попав в шторм, корабль, пристал к незнакомому берегу рядом с тем местом, где сейчас располагается Иверский монастырь. Когда корабль подплыл к Афону, и Пресвятая Богородица ступила на благословенную землю, огромная статуя Юпитера рухнула с вершины Горы со страшным грохотом и распалась на мелкие части. И тогда Пречистая Дева благословила Афон (по-гречески Ато́с) и сделала его Небесным вертоградом – Садам Божиим.

С тех пор Афон стал Уделом Божией Матери, одним из четырёх на этой земле. Она стала безсменной Игуменьей Святой Горы. Ничто на сей земле не происходит без Её благословения.

Согласно другому преданию, когда апостолы бросали жребий, кому в какие края идти проповедовать Слово Божие, Богородица испросила и для себя удел, чтобы и Ей участвовать в деле проповеди. Жребий выпал идти в Иверию (Грузию). Однако Пречистой Деве явился архангел Гавриил и обратился к ней со словами: «Мати Божия, Дево! Иисус Христос, рождённый от Тебя, повелевает Тебе не покидать Иудею, не уходить из Иерусалима, аще убо место, уготованное Тебе в Удел – не Иверия, а полуостров в Македонии, называемый Гора Афон. И он просветится светом лица Твоего и примет благословение».

Пречистая Дева, услышав это повеление, села на корабль и отправилась ко Святой Горе на проповедь Евангелия.

Когда корабль достиг Афона, все афонские идолы пришли в смятение. Поднялся невообразимый шум, послышались крики: Вы, поклонники Аполлона, ступайте скорее в бухту Клемес, приветствуйте Святую Деву Марию, Матерь Божию».

Местные жители устремились в порт и с почтением проводили Богородицу, святого апостола Иоанна Богослова и их спутников в огромный зал для гостей. Они с интересом распра-

шивали их о тайне Божественного воплощения и изумлялись тому, что Она, будучи по рождению иудейкой, объясняет им всё на греческом языке.

Матерь Божия была рада, что Ей достался для проповеди именно этот удел. Она начала молиться: «Сыне мой и Боже мой, благослови место сие, сей Мой Удел, и сохрани его до самого конца мира, а также тех, кто живёт здесь, ради святого имени Твоего и во имя Мое. Дабы малыми трудами и стремлением к покаянию простились им грехи их. Дай им в жизни всё, что есть доброго и полезного в этом мире, а в будущем веке – жизнь вечную.

Вознеси место сие над всеми другими, яви чудесную силу Твою, наполни его людьми из всех народов Земли – теми, кто носят имя Твое, – и пусть жилища их распространяются от конца до конца на этой земле. Спаси их от вечной гибели, от всякого искушения, от врагов видимых и невидимых и от всякой неправды, и утверди их в Православной вере».

В ответ на молитву Приснодевы с Небес послышался голос: «Всё, о чём Ты просишь, Мати Моя, будет исполнено Тебя ради, если иноки будут соблюдать Мои заповеди. Место сие с этого дня будет Твоим Уделом, Твоим садом и раем, гаванью спасения для тех, кто желает спастись, убежищем и укрытием, тихой пристанью покаяния для людей, обременённых грехом».

Первые из сохранившихся до настоящего времени исторических документов относятся к IX веку. В них повествуется об отшельнической жизни монахов-отшельников, живших на Святой горе в период иконоборчества: Петра Афонского (681–734) и Евфимия Солунского (VIII век).

В последующий период на Афоне произошёл расцвет монашества. Это было обусловлено несколькими факторами: установление периода относительного спокойствия и завоевание арабами Ближнего Востока, из-за чего многие монахи из сирийских, египетских и других малоазийских общин стали искать более безопасные места для проживания.

Афонские монахи сыграли значительную роль в истории Церкви в конце иконоборческого периода: их твёрдая позиция на Вселенском соборе 843 года способствовала официальному восстановлению иконопочитания.

Император Василий Македонец своим указом от 883 года установил запрет «о непроходимости на территорию Афона женщин любого возраста и состояния, а также безбородым, скопцам, малолетним и пастухам со своими стадами». Запрещено также держать на Афоне коз, овец, кур женского полу. С тех пор традиция свято соблюдается, а нарушившие запрет приняли смерть лютую по воле Божией. Впрочем, таковых было немного.

С 885 года, согласно другому указу Василия I, Афон принадлежит исключительно монахам. Пастухам и другим мирянам, которые раньше находились здесь беспрепятственно, доступ на полуостров был закрыт. В 1046 году Император Константин IX Мономах официально закрепил за полуостровом название «Святая Гора», «ΑΓΙΟΝ ΟΡΟΣ», как оно звучит и в наши дни наряду с неофициальным: «Сад Пресвятой Девы».

В 972 году было принято самоуправление двадцати православных монастырей в непосредственной церковной юрисдикции Константинопольского Патриархата.

В «столице» Афона Кареасе находится Протат – Афонский парламент, где все решения принимаются коллегиально представителями всех монастырей. С тех пор на афонской земле так и существуют двадцать монастырей: двадцать первый строить запрещено. Кроме них имеются многочисленные скиты, отшельнические кельи и пещеры.

Режим самоуправления исходно базируется на положениях I устава Святой Горы Афон («Трагос»), утверждённым хрисовулом (грамотой) императора Иоанна Цимисхия.

По уставу на Афоне используется исключительно Юлианский календарь, в том числе и в официальных документах. Также на Афоне своё, так называемое Византийское время: в момент захода солнца стрелки часов ставятся на полночь. Летом афонское время отличается от греческого на четыре, зимой – на семь часов.

Глава I «Осколок империи»

С чего начинается Афон? Ответов на этот вопрос столько же, сколько людей, посетивших его. Равно как никто не даст точного ответа на вопрос: С чего начинается родина? Известный сатирик как-то пошутил, что родина начинается с роддома. В общем и целом он прав, хотя у каждого своё мнение по этому поводу, и каждому кажется, что оно единственно верное.

Да так ли это важно, с чего она начинается и чем заканчивается? «Не выходи из кельи вон и будет в келье у тебя Афон», – говорят афонские старцы, и сие есть истина. На Святой Горе монахи встают каждый день так, словно этот день – первый в их жизни, и они начинают всё сначала. И ложатся спать так, как будто это был последний день их земного существования.

Первое, что бросается в глаза впервые прибывшему на Афон русскому паломнику, да и просто туристу, так это афонский флаг. Он представляет собой чёрного двуглавого орла на золотом поле. На Святой горе двуглавый орёл весьма распространён. Его изображение можно часто встретить и на воротах афонских монастырей, и в храмах, даже на плитах при въезде в некоторые монастыри.

Самое древнее изображение двуглавого орла из известных в Европе на сегодняшний день находится как раз на Афоне, на мраморной плите монастыря Ксиропотам. В своё время он был государственным гербом Восточного Рима – Константинополя, впоследствии стал родовым гербом династии византийских императоров Палеологов.

С XV века двуглавый орёл становится официальной символикой Княжества Московского, а при Иване IV Грозном превратился в полноправный символ Третьего Рима. После

захвата турками Константинополя, центр православия перемещается на Север, и двуглавый орёл как бы подчёркивал преемство Русью идеи православного царства.

Восточную Римскую империю с некоторых пор стали называть просто Византией, хотя на протяжении всей тысячелетней истории Восточного Рима, его граждане византийцами себя не считали, а гордо именовали себя ромеями, сиречь римлянами.

Афон – этот Удел Пресвятой Богородицы, сакральную территорию вселенского Православия, часто называют последним живым осколком Византии. Образ православной Римской империи, этой вооружённой крестом сверхдержавы, до сих пор как страшный сон преследует всех противников христианства.

Отблеск этого образа таинственно присутствует на Афоне. Греческие, болгарские, сербские, румынские, русские обитатели на Святой Горе составляют как бы единый конгломерат, напоминающий о славных временах могущества канувшего в Лету тысячелетнего царства. «На три угла на семи холмах стоит царственный Третий Рим».

И, пребывая на Афоне, начинаешь явственно ощущать, что это тот последний плацдарм, с которого начнётся Великое Возрождение. В храмовом полумраке, где как на звёздном небе мерцают огоньки свечей огромного паникадила, а тихие лампы напоминают восходящие планеты, не остаётся сомнений в том, что Афон – это та малая планета, та яркая звёздочка, которая указывает верное направление усталому путнику.

Преподобный Максим Исповедник говорил: «Рай – это не сад с лавочками и цветочками, ад – это не котлы и огонь. Рай – это зрение Бога и общение с Богом, ад – это невозможность видеть Бога и общаться с Ним». Без сомнения, Афон – это уголок Рая на земле, а дорога в Рай, как известно, с односторонним движением. Попадают туда один раз, и только с благословения Всемиловитого. Другого пути, как и обратной дороги – нет. Поэтому дорога и в Рай земной также всегда начинается с *благословения*.

И сразу вспоминается жаркий июльский день, когда не только Русская православная церковь, но и вся Россия вспоминала Святого Равноапостольного Князя Владимира – крестителя Руси. Теперь это День Крещения Руси, а тогда он ещё не был государственным праздником, но для Русской Православной церкви – один из значимых.

И в этот день наша семья, благодержнула, наконец, освятить своё жилище. Иерей храма Благовещения Пресвятой Богородицы в Федосьино, отец Александр, кстати, внучатый племянник новомученика и исповедника российского Петра Зверева, архиепископа Воронежского, чьи мощи почивают в Преображенском соборе Соловецкого монастыря рядом с мощами Зосимы, Савватия и Германа Соловецких, после литургии служил заказную панихиду в Пыхтинской часовне (ныне приходском храме) Праведного Лазаря. После панихиды, благо было по пути, он откликнулся и на предложение освятить наши апартаменты.

Чин освящения занял непродолжительное время, но что поразило отца Александра, так это «домашний храм» с чудотворной Феодоровской иконой Божией Матери.

Более столетия назад икона не только уцелела в страшном пожаре, но и осталась почти невредимой! Когда смотришь на лик Пречистой Девы, он как бы завораживает. Вот и батюшка, задержав свой взгляд на чудотворном образе, вдруг повернулся ко мне и неожиданно произнёс: «Тебе нужно обязательно побывать на Афоне».

Должен признаться, для меня эти слова прозвучали с одной стороны как божественная музыка, с другой – как гром среди ясного неба: настолько были неожиданны. Но в душу и в память запали настолько, что вспоминались, чуть ли не ежедневно.

Однако случай поехать ко Святой Горе всё как-то всё не подворачивался. То время было неподходящее, то суета мирская не отпускала, то более значимые причины, как, например, паломничество к Туринской Плащанице Господа нашего Иисуса Христа.

И вот, наконец, один благочестивый, но гордый молодой человек, нареченный по рождении своим именем Димитрий, решился подняться на Святую Гору и очень даже не прочь был обзавестись попутчиком.

Аккурат в это же самое время благожребие привело меня в гости в паломническую службу «Святая Земля». Матушка Евгения, вместе с которой мы проехали пол-Европы, ныне возглавляющая турфирму со столь величественным названием, с ходу предложила мне заманчивую перспективу составить компанию рабу Божьему Димитрию. Сразу вспомнилось и пророчество отца Александра. Заграничный паспорт оказался при себе...

Оформление было стремительным как никогда. Ваш Покорный Слуга не забыл и своих старых друзей: согласие с их стороны было молниеносным, правда с оформлением вышла некоторая заминка, но в этом, как потом выяснилось, был промысел Божий! Хвала Всевышнему!

Хотя, если откровенно, мне это едва не вышло боком, но ведь что Бог ни делает – всё к лучшему! Вот и эта двухдневная «заминка» стала для меня почти судьбоносной. Впрочем, о ней рассказ впереди. Тогда об этом как-то не думалось: мысли были о другом.

По инерции, если можно так выразиться, поездка представлялась «лёгкой прогулкой» выдавшего вида заправского туриста. Отрезвление не заставит себя долго ждать: буквально каждый день, на каждом шагу приходилось пересматривать свои взгляды на жизнь, можно сказать, постигать жизнь заново. Как некогда Алексей Маресьев учился заново ходить, потом бегать, танцевать и даже летать!

С первых же минут пребывания в этом земном раю начинаешь ощущать совершенно другой мир. Как бы постоянное присутствие рядом с тобой ангела – хранителя, и в то же время какую-то особенную ярость врага рода человеческого. С одной стороны любовь и даже более чем материнскую заботу о тебе Игуменьи Горы Афонской, и в то же время теплохладное стремление дать каждому возможность проявить себя в трудных, а порой и в экстремальных ситуациях. С одной стороны проявить смирение, с другой – ощутить вкус *ПОБЕДЫ*.

Ибо, как учил великий Афанасий Афонский, «в этом мире всегда и во всех благих делах, мы должны стремиться к победе: над страстями, грехом, видимыми и невидимыми врагами. И в этом стремлении заключается дело спасения души человеческой.

Победа вообще не присуща человеческому духу. Господь не дал дьяволу испытать её вкуса. Дьявол не побеждает – ему сдаются, как не побеждает грех – в него впадают. Являясь духовной категорией, победа не всегда проявляется в видимых результатах. Бывает, в поединке побеждает тот, кому срубили голову. Но она всегда достигается *в борьбе!* И те, кто к ней не стремятся, её никогда не достигнут.

Поэтому тщетны ожидания тех, кто отказывается от борьбы, безрассудно уповая на милость Божию. Православный христианин – это воин Христов! Вся жизнь христианина – война. Мирянина с плотскими врагами, монаха – с *бесплотными*.

И здесь, на этой освящённой кровью и подвигами священномучеников Земле, как нигде христианину предоставляется такая возможность: проявить свои силы, показать свои лучшие качества, равно как и смириться перед неизбежным, перед волей Всевышнего. Это и есть то самое, та благодать, что как магнитом притягивает сюда паломников со всего света.

Чтобы постичь «магию Афона» лучше всего обратить взор на выражение лиц людей, отправляющихся ко Святой Горе из Урануполиса. Даже не тогда, когда они погрузились и уже плывут на пароме «Святой Пантелеимон». И даже не когда восходят на палубу и занимают места, а когда ещё только получают диамонитирион, сиречь «афонский паспорт», разрешение на посещение монашеской республики. Или когда они ещё сидят в порту в ожидании чего-то неведомого: кто за чашкой кофе, кто с газетой, кто просто беседует с попутчиками или погрузился в свои мысли. И потом сравнить с теми, кто возвратился с планеты Афон.

Тонкий психолог обязательно заметит ту неуловимую грань, ту невидимую на первый взгляд перемену, которая не может не отразиться в выражении глаз. Ведь глаза, как известно, – зеркало души, а душа человека после посещения Афона, *обязательно* становится другой. Преображается! Причём порой преображается настолько, что многие не только в корне меняют свою жизнь, но и хотят остаться в Святом Уделе навсегда.

И кто-то остаётся, а некоторые решают вернуться и поселиться здесь по прошествии времени. А уж побывать ещё раз стремятся почти все. Чем же так манит к себе эта Земля?

«Умом Россию не понять, аршином общим не измерить» – писал когда-то Великий Русский Поэт о родине своей. То же самое можно сказать и об Афоне.

Можно бесконечно вглядываться в очертания Святой Горы и поросших субтропическим лесом соседних сопок. Можно часами любоваться причудливыми бухточками и глубокими каньонами горных речушек; быть очарованным так часто и так волшебным меняющимся цветом морской воды у побережья: от свинцово-синего до перламутро-изумрудного, от гранитно-бардового до чернильно-фиолетового, от небесно-голубого до золотисто-песчаного, от ультрамарина до лилового.

Наконец, можно замирать от восторга, любуясь романтической и в то же время аскетично-суровой архитектурой афонских монастырей: в чём-то удивительно схожих и в то же время абсолютно разных. Зубчатые стены их как будто строки Священного Писания – ровные, и в то же время витиеватые. Сторожевые башни – пирги, своей готической архитектурой чем-то притягивают взор и в то же время заставляют вспомнить средние века, крестовые походы, пиратские набеги – непростую, полную опасностей и тревог жизнь святогорцев, почувствовать со всей остротой их величайший молитвенный подвиг. Но... окажись такой «созерцатель» в одном из уютных уголков Халкидикии, все эти «красоты мира сего» очень быстро сотрутся из памяти, и Афон будет лишь очередной «перевернутой страницей».

И только сойдя на «священный брег», пройдя десятки километров по его тропам; посетив монастыри, скиты и отдалённые монашеские кельи; вживаясь в атмосферу братолюбия и любви к Богу, которая является целью подвига святогорцев; посетив уникальные в своём роде монастырские службы и вкусив монастырской трапезы; приложившись к многочисленным святыням; пообщавшись со здешними старцами; исповедавшись и причастившись святых Христовых Таинств; наконец, поднявшись на вершину Святой Горы, можно *ощутить* Афон.

Ощутить не только умом, но и сердцем, лёгкими, если хотите печёнкой и всем остальным своим гнилым ливером. В Россию можно только верить. Афон можно только почувствовать. Причём чувствовать начинаешь с первой минуты пребывания. Иногда, даже раньше, за примером далеко ходить не придётся. Всего за три моря. Но каких!

Глава II «Welcome to Афон!»

Итак, был день весенний, природа пышно распускалась. В ничем не выделяющемся, самом заурядном железобетонном московском бараке, во всех его двадцати двух этажах, кроме четвёртого, кипела, бурлила и перемежалась обыденно-заурядная столичная жизнь.

После затянувшихся выходных по случаю Вальпургиевой ночи – первого мая – здешний электорат полуосознанно возвращался к трудовым будням. Кто-то уже спешил в этот предрассветный час на первую электричку, кто-то ещё нежился в кровати или матерился под ласкающую слух «песню» будильника. А кое-кто уже пытался трясущимися руками приготовить утреннюю яичницу, испить кофию, или просто «поправить здоровье» рюмочкой некоего спиртного. О чём в этот ответственный для каждого «дарагого расеянина» момент этому самому расеянину думалось, знает только Вселюбящий Творец.

Ваш Покорный Слуга (в дальнейшем ВПС), занимающий со своим семейством стойло именно в четвёртом этаже, думал совершенно о другом. Ему предстоял путь неблизкий, поэтому мысли роились в направлении «ничего бы не забыть».

Ещё со времён службы в N-м «почтовом ящике», где в командировки посылали «здесь и сейчас», тревожный список всегда был под рукой, и сборы обычно занимали не более получаса. Но сейчас вояж предстоял необычный: на Святую Гору!

Несмотря на солидный стаж паломничества, меня терзало необъяснимое чувство то ли тревоги, то ли радости, нечто неосознанное. Домочадцы ещё досматривали предутренний сон, поэтому никто не отвлекал суетной болтовнёй и советами. Рюкзак уже стоял «готовый к бою», осталось надеть the shoes, и можно уютить прохладный предутренний московский асфальт.

Но человек предполагает, а Бог располагает.

Небо вдруг «пустило слезу», да так неистово, что летние туфли явно не годились для такой погоды. Доставать из рюкзака горные кроссовки как-то уж совсем не хотелось, а гулять по майской Греции в демисезонной обуви... ВПС раздумывал ровно три с половиной секунды и, со словами «Слава Богу за всё!» ловко вышел из создавшегося положения.

Дорога в аэропорт заняла минимум времени, и у стойки регистрации азъ многогрешный оказался среди первых.

Рейс Москва – Салоники невозможно спутать ни с одним другим! Настолько бросается в глаза контраст отъезжающих пассажиров, особенно «в сезон». От чопорно-благочестивых паломников до отвязно-полуголых отдыхающих.

Причём если во Святую Землю или, скажем, в Италию, Турцию, Египет кроме отдыхающих едут в основном паломники, то в Салоники преимущественно «barbudos» и священнослужители. И хотя Указ Василия Македонца уже частично утратил силу, всё равно паломники на АΓΙΟΝ ΟΡΟΣ стараются и внешне соответствовать. Но на тот момент азъ недостойный таких тонкостей ещё не ведал, и, стало быть, за своего меня могли принять как те, так и другие.

Очередь продвигалась довольно бойко, поэтому отъезжающим пассажирам особо некогда было ловить ворон. Но мне не давала покоя uno problema: ачеть во «Святой Земле» я подробно выяснил, как и куда направлять стопы по прилёту в Салоники, так ведь и зайцу можно объяснить, как доказывать теорему Пифагора. Только меня терзают смутные сомнения, что у косоного не возникнет вопросов, типа, что такое катет, а что есть гипотенуза. Вот и мне при мысли, убо первый раз в незнакомой стране, да ещё без знания языка... делалось сердцебиение. Потому как маршрут расписан по минутам, и лишние хлопоты были вовсе ни к чему.

В предыдущих поездках при «всё включено», проблем с трансфертом не возникало. Здесь же всё было иначе, и знакомства в дальнейшем очень даже не повредили бы. Тем более что некоторые ехали на Афон, судя по всему, не в первый раз.

Впереди меня, явно без признаков душевного волнения, двигался средних лет очень уж негабаритный представитель мужского племени. Окладистая чёрная борода не оставляла сомнений в конечном пункте его вояжа. А шрамы, которые она скрывала, бело-голубая полосатая майка и характерная татуировка в виде эмблемы «войск дяди Васи», равно как и сосредоточенный взгляд серых или, лучше сказать, безцветных глаз, со всей очевидностью свидетельствовали о том, что заповедь «не убий» он начал исполнять только после Афгана или Чечни.

Примерно полвека назад родители обозначили его Виктором, что значит «победитель», и своему имени мой новый знакомый вполне соответствовал. Во всяком случае, в схватке со смертью он всегда выходил победителем. И после знакомства с таким героем, страх заблудиться в незнакомом городе стал мне казаться чем-то сродни комариному укусу.

В соседней очереди со мной поравнялся довольно-таки обаятельный батюшка. Сложив руки «по-христиански» и взяв благословение, ВПС не удержался от вопроса.

– «На Афон?» – Г'т устремил на него пристальный взгляд. Отец Д – й едва уловимо кивнул, поскольку вопрос был явно «дежурный»: не отдохнуть же он ехал в полном облачении.

– «Первый раз?» – Но и на этот вопрос последовал однозначный кивок, что означать могло только одно: батюшка от греха пустословия избавился ещё в семинарии. Или накануне отслужил всенощную и на сегодняшний день лимит слов исчерпал.

Всё же инстинкт несостоявшегося разведчика заставил меня выяснить подробности: отец Д – й служит в селе Спасское Новосибирской губернии. Когда-то именно Спасский монастырь дал название этому селу, но большевики решили по-своему. И в настоящее время оно носит имя какого-то комиссара-палача, уничтоженного в Гражданскую войну.

Причём вопрос о возвращении селу исторического названия, как, например, Феофилова пустынь в Псковской губернии, даже не поднимался. Тамошнему электорату это глубоко «до фонаря», а насколько эта тема волнует отца Д – я красноречивее всяких слов глаголит то, что на службах не присутствует ни одного прихожанина. И это при тридцатитысячном населении района, четверть которого проживает в райцентре!

Такого мне не приходилось встречать даже в самых захолустных приходах Европейской России. Как молвится в известной пословице – каков поп, таков и приход.

Но всё это мне откроется немного спустя, когда буду совершать паломническую миссию по земле сибирской. Также как и шокирующие, можно даже сказать леденящие душу подробности, если так уместно выразиться, батюшкиного «благочестия».

Святейший патриарх Кирилл, говоря о роли священника, отмечал, что «если у нас есть ещё кто-то из батюшек, кто считает, что совершение богослужений и треб вполне реализует его призвание и больше ничего делать не нужно, то такой священник не просто ошибается – он совершает преступление! Главное наше дело – молитва, но вокруг молитвы мы должны воспитывать людей, давать ОБРАЗование, являть примеры доброго отношения к людям через социальную деятельность». И сразу приходит на ум ставшее крылатым изречение Павла Верещагина: «За Державу обидно!»

Но в тот момент мне хотелось думать только о хорошем. И даже когда узнаю всю «подноготную», мне вспомнится сказанное Глебом Жегловым: «Ваше дело, товарищ Тараскин, преступления раскрывать! А уж Синод ихний пусть о моральном облике своих членов печётся».

Поэтому, когда отец Д – й поведал мне, что после службы всю ночь добирался до а/п Толмачёво, «утренней лошадей» прилетел в Домодедово – и сразу же в Грецию, мне подумалось, что всё-таки велика сила благодати Божией, если он до сих пор не просто держится на ногах, но и выглядит молодцом!

Неторопливая беседа с ним помогла мне почувствовать Афон уже в Домодедово. Во всяком случае, предполётная суета с этого момента перестала быть чем-то нудным и утомительным.

Без проблем пройдя таможенную и паспортный контроль, и почувствовав пятой точкой опоры кресло Боинга-747, азь многогрешный, слава Богу, совсем перестал думать о том, что не давало покоя последние дни и даже месяцы, и резко «переключился на греческую волну».

Публика в салоне не только по внешнему виду, но и по поведению резко делилась на две категории. Если среди «отдыхающих» царила безудержная суета, бесконечная болтовня, а где-то уже и «здравицы», то паломники сохраняли воистину олимпийское спокойствие. Может быть поэтому именно Греция – родина олимпийских игр. Чувствовалось, что некоторые погрузились в молитву, кто-то в чтение утренних правил или путеводителей по Афону.

А когда прошла «вся в красном стюардесса как принцесса» и объявила, что командир корабля и экипаж приветствуют нас на борту, ets... сложилось впечатление, как будто Сама Богородица промолвила, что с этой минуты берёт нас под Своё Покровительство. Стало быть, Афон начался!

На подлёте к Салоникам «картина маслом» резко начала меняться. Доселе спокойное «людское озеро» вдруг, одномоментно превратилось в людской водоворот. А когда лайнер вошёл в зону турбулентности, что тут началось! Слава Богу за всё – быстро закончилось, но даже через несколько рядов было слышно, как молодая симпатичная особа, явно из группы «отвязно-отдыхающих», слёзно просила сидящего рядом с ней батюшку помолиться о благополучном завершении полёта. На молодой и симпатичной даже не было креста, на шее болтался какой-то амулет из рыжего металла – видимо астрологический знак.

Оценив цвет и выражение лица «отвязно-отдыхающей», мне вдруг подумалось: «Уж в следующий раз она непременно наденет крест, и одной христианкой станет больше». Неисповедимы пути Господни, а уж путь к Нему тем более. Трудно сказать, была ли до сего момента раба Божия N в православном храме, но то, что *после* сего момента побывает обязательно, у меня не осталось никаких сомнений. Во всяком случае, очередь в туалет она заняла одной из первых. Причём было явное ощущение, что она пошла туда поменять памперс и переодеться.

Полёт завершился на высокой ноте. Помимо традиционных в такой момент аплодисментов, в салоне совершенно отчётливо слышалась молитва. И даже самые «отвязные» не проявляли обычного в такой ситуации скептицизма: все отнеслись с пониманием.

Может это прозвучит дерзко, но Ваш Покорный Слуга не испытывал в эти моменты никаких острых ощущений. Притом, что авиапассажир отнюдь не со стажем, просто был настолько уверен, что *стольких* молитвенников Господь не мог не услышать. Ачеть себя к ним вовсе не отношу, просто всегда уповаю на милосердие Божие. Пока не подводило.

Комфортабельный автобус, ведомый симпатичным чернобородым греком с ослепительной белозубой улыбкой, доставил многочисленный «московский десант» к зданию аэровокзала.

Должен признаться, от греческой весны в начале мая ВПС ожидал много большего, чем мелкий морозящий дождь и довольно-таки пронизывающий ветер с явно морским привкусом. Как бы в ответ на моё ожидание дождь ливанул так, что пришлось вспомнить про зонт, благо-разумно не убранный в рюкзак и вмиг оказавшийся под рукой. Вернее – даже в руках. А уста не переставали глаголить: Слава Богу за всё!

Очередь к паспортному контролю вызеилась в причудливый лабиринт и продвигалась довольно-таки медленно.

В южноевропейских странах с наступлением лета полуденная сиеста длится несколько часов. Греция не является исключением из правил, поэтому работали только два пункта паспортного контроля вместо десяти.

Ропот среди «отвязно-отдыхающих» местами сменялся ненормативной лексикой, однако прибывшие со святой миссией, были резко невозмутимы. Обратившись с молитвой к Пресвятой Богородице, мы тут же получили в награду открытие ещё четырёх ППК. Очередь стала таять буквально на глазах, и вскоре ВПС, получив заветный штампель, уже попирали своими грешными ногами греческий асфальт.

Ливень к тому времени немного поутих, однако мелкая морось всё же продолжала портить настроение. Хотя, елико бывал и бываю в дальних странствиях, замечал определённую закономерность: если в первый день Небо «смывало с меня грехи», то все последующие дни бывали солнечными. Поэтому, радуясь чудесному знамению, Ваш Покорный Слуга стал высматривать своих попутчиков. И тут радость неожиданно сменилась тоской...

Последние пассажиры, получив багаж, покидали уютный аэровокзал, а все паломники как в воду канули! Или дождём смыло... Когда Гm вышел на привокзальную площадь, то оптимизма у меня отнюдь не прибавилось. Как-то сами собой на память пришли строки из Священного Писания: «И заповедал им ничего не брать в дорогу, кроме одного посоха: ни хлеба, ни меди в поясе. Но обуваться в простую обувь и не носить двух одежд» [Мр. 6;11].

И тут же подумалось: искать нужный автобус по такому дождю – без второй одежды явно не обойтись. А если взять такси до Урануполиса, то медь тем более не спасёт, ибо поездка окажется «золотой». Уповать приходилось только на Небеса.

«Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго». «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, молитв ради Пречистыя Твоея Матере, преподобных и богоносных отец наших и всех святых помилуй мя грешнаго». «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий...»

– А ты чего здесь стоишь? – голос Виктора «спустил меня с Небес». – Такси давно подан. Представляешь, купил телефонную карту, всего пять евро на два с лишним часа. Звони хоть в Антарктиду. Пошли, наши все давно на месте.

Белоснежный микроавтобус притаился под большим рекламным щитом. Молодая длинноногая гречанка предлагала совершить круиз на остров Корфу. «А почему бы и нет?» мелькнула вдруг шальная мыслишка. Но только не в этот раз, понеже цель была вполне определённая, а «меди в пояс» на отклонение от маршрута предусмотреть забыл.

«Не выходи из кельи вон, и будет в келье у тебя Афон» – сколько раз ещё придётся убедиться в справедливости этой мудрости афонских старцев...

Автобус тем временем вырулил на автостраду, дождь прекратился, и Греция предстала нашему взору во всей своей чарующей красоте. Приморскую равнину сменяли горные ландшафты, иногда мелькали деревеньки и отдельные хутора, а чёткие прямоугольники полей сменялись виноградными и оливковыми плантациями. Обилие цветов лишней раз убеждало, что начало мая – самое подходящее время для путешествий по Южной Европе.

Вспоминались предыдущие вояжи и по Европе, и Малой Азии. Казалось – смени вывески с греческого на испанский или португальский, итальянский или турецкий – и никакой тебе разницы. И всё-таки разница была, неуловимая на первый взгляд, но чувствовалась.

Нет, не отсутствие в окрестном пейзаже небоскрёбов или заводских труб: для южной Европы это вообще не характерно, здесь люди находят другое занятие. Да и архитектура всех южноевропейских стран не отличается особым разнообразием.

Только вот храмы! Хотя в Греции они построены в основном в византийском стиле и отличаются от традиционно русских, всё равно православные храмы не спутаешь ни с какими другими. Это трудно объяснить, но они как бы живые! Равно как живого человека всегда отличишь от чучела или манекена. Причём это ощущение пришло ко мне именно здесь и сейчас. Живые! Другое слово трудно даже подобрать, да и надо ли?

Меж тем слева открылось взору безбрежное морское зеркало. Там где горы подступали к нему вплотную, они напоминали причудливых животных, пришедших на водопой. А где берег был равнинный, он почти сплошь был застроен отелями и пансионатами. Пальмы и кипарисы удачно гармонировали с затейливой мозаикой бассейнов и фонтанов, островками выделяясь на фоне зелени и цветов. Небольшие строения, если можно так выразиться, дышали уютом.

Но как бы ни была заманчива перспектива оттянуться со вкусом на здешнем пляже, Святая Гора притягивала нас гораздо сильнее, можно сказать Божественным магнитом.

За окнами микроавтобуса замелькали, наконец, кварталы Урануполиса. Если по греческим понятиям это город (полис), то по российским меркам что-то вроде посёлка, вытянувшегося вдоль побережья. История его восходит к античным временам, но в настоящее время о славном прошлом напоминает лишь сторожевая башня – пирга. В остальном ничем особенным он не выделяется среди своих собратьев. Разве что, как и всякий туристический центр, обилием гостиниц, ресторанов и магазинов на душу населения. И, понятно, небезпорочен...

Поскольку ночь коротать нам предстояло в разных отелях, Никос (так звали водителя) развёз всех и каждого. Нам с благочестивым и гордым молодым человеком выпал жребий поселиться в уютной «Халкидикии» на самой окраине Урануполиса, поэтому мы покинули салон последними. Welcome to Афон! Bienvenido al Ατος!

Глава III «Урануполис – врата Афона»

«Характер человека никогда нельзя понять вернее, чем по той шутке, на которую он обижается». Можно долго дискутировать по этому поводу, но вывод будет всё равно однозначный: что верно, то не подлежит сомнению.

Вот и ВПСлуга всегда обижается на шутки по поводу моего возраста. Обидно, когда «молодым человеком» называют те, кто мне в дочери годится: приходится место в транспорте уступать. Тем более, когда место уступают мне: так и хочется сказать что-нибудь идиоматическое, без падежей. Однако улыбнувшись, вежливо поблагодаришь и благородно откажешься.

Не люблю, когда меня поздравляют с днём рождения те, кто лишь в порыве благородном надеется быть приглашённым в гости, попить-поесть «на халяву», и кто никогда не поздравит, скажем, с Рождеством Христовым или со Светлым Христовым Воскресением. Непонятно, чем же азъ многогрешный так прославился, что из этого дня нужно делать событие? Впрочем, в недавнем прошлом из этого дня действительно делали событие. Но, обо всём по порядку.

На то Господня воля, чтобы моя мама разрешилась от бремени в начале мая, а если быть точным, то пятого числа. На дворе стояла не столько весна, сколько Советская власть.

Если не всякий читатель сталкивался с таким понятием, то порой ещё живы даже те, кто помнит всё, что с ней связано, а именно: коллективизацию и голодомор; коммунальные квартиры и доносы на соседей; ночные аресты и «десять лет без права переписки»; волюнтаризм и застой; «железный занавес» и т. д. и т. п.

Те, кто не вкусил всех ужасов, всё равно помнят сказанное вождём мирового пролетариата В.Ульяновым: «Кому *НИЗ*м есть советская власть плюс электрификация всей страны». В 1961 году, на XXII партсъезде была принята двадцатилетняя программа построения коммунизма.

В начале восьмидесятых мы получили тотальный дефицит всего и вся, афганскую войну, антиалкогольную кампанию, карточную систему и развал страны. Это – коммунизм, он ещё свеж в памяти. Ну, а «шибко продвинутому» молодому поколению нетрудно сделать вывод, что Советская власть – это есть коммунизм минус электрификация всей страны...

Вернёмся, однако, к 5 мая. Только что отгремели праздничные демонстрации и салюты, а Девятое мая в «те времена укромные, теперь почти былинные» был обычным рабочим днём. И никому в голову не приходило называть его Днём Победы. Страна ещё не залечила раны минувшей войны, а про жизненный уровень населения даже говорить было опасно.

Ещё тысячи пленных немцев восстанавливали разрушенные войной предприятия и жилые дома, а по всей стране тысячи бездомников и искалеченных «священной бойней» просили милостыню. На Валааме и других «местах не столь отдалённых» для таких создавались все условия, чтобы поскорее отправить их в мирь иной, дабы не портили своим видом «позолоченную» картину страны побеждающего (наш народ) социализма.

И вот, на радость всем родным, где-то ближе к рассвету, электорат Страны Советов пополнился ещё одним голосом. Да каким! На мой «первый в жизни глас» прибежала даже заведующая отделением, стала говорить моей маме дежурные комплименты, а ближе к обеду всё вернулось на круги своя, и о моём существовании эскулапы дружно позабыли.

Но в календаре Страны ещё не победившего (до конца) социализма, тем не менее, этот день всё-таки был отмечен «красным». Просто за полтора века до этого, в тихом немецком городке Трире, на свет появился главный теоретик коммунизма. Спустя полвека «призрак стал бродить по Европе», а ещё через полвека добрался до России и никак не уберётся до сих пор.

Не знаю, случайно или нет, но именно в этот день начала издаваться газета «Правда», и Пятое мая стало «Днём советской печати». О том, какую «правду» мы читаем, слышим и смотрим до сих пор, лучше не вспоминать. Достаточно пролистать подшивку этой самой «Правды» за все сто лет, чтобы увидеть всё лицемерие той власти, чьим рупором эта газета была на протяжении более чем семи десятилетий. Как только рухнул в стране коммунистический режим, так День российской печати стали отмечать 13 января, в день выхода газеты «Ведомости»: настолько «правда за три копейки» себя дискредитировала.

Не хочу делать далеко идущих выводов, но сдаётся мне, что вся новоиспечённая, так называемая свободная российская пресса поспешила таким образом откреститься от «органа ЦК КПСС». Трудно сказать, каким «органом» создавались все эти нынешние «демократические» издания, только лжи и холуйства в российских СМИ меньше не стало, скорее наоборот.

И опять возвращаемся к знаменательной дате. Чем она ещё «знаменательна», так это тем, что в советские времена этот день всегда был рабочим. Спросите, почему? Всё очень просто.

После второго октябрьского переворота (1964 года) Девятое мая наконец-то стали отмечать как государственный праздник, и он стал нерабочим днём. Поэтому выходные всегда переносились, тем более, что и Первое мая «отмечали» два дня: второго самый передовой – рабочий – класс, на одной шестой части суши планеты Земля, дружно поправлял здоровье. Если воскресенье было пятого, его «добавляли» к первому, если шестого – к Девятому.

Даже если Светлое Христово Воскресение выпадало на пятое мая, то для советского электората оно не было «светлым». По этому поводу в народе сочинялись едко-красноречивые памфлеты, но коммунистическая власть стояла насмерть! По-другому она не умела.

И смерть ей пришла. Августовской Победе уже третий десяток, но «призрак коммунизма» в Эрэфии не только не изжит – дело Ленина живёт и побеждает. Как и тело Ленина на главной площади Российской столицы. Как тут не вспомнить строчки любимого сталинского пиита:

«Товарищ Ленин, я Вам докладываю:
Не по службе, а по душе.
Товарищ Ленин, работа *адовая*
Будет сделана и делается уже».

Не будем гадать, кто в *этой работе* преуспел больше, но как только начинаешь понимать, что происходит в стране, так сразу перестаёшь понимать, что в ней творится.

Как только начинаешь слушать, о чём вещают все электронагревательные приборы, ощущение такое, что попал в сумасшедший дом для глухонемых: каждый кричит, что нужно делать, но никто никого не слышит. Потому, что не желает слышать.

И что самое прискорбное, церковь хотя и пытается подсказать выход из тупика, но с зашоренными глазами, поэтому указывает в прямо противоположном направлении.

Беседуя с афонскими старцами, поражаешься их прозорливости, способности видеть и оценивать, что творится в России, даже не имея информации. «Пророки предвидят будущее, потому что прозревают его в настоящем. Они просто хорошо знают человеческую натуру». Эти слова аввы А-я стали для меня откровением: оказывается как всё просто!

Но не будем забегать вперёд, 5-го мая мои бранные кости ещё не добрались до Святогорья. Нервы гудели натружено, а мозг лихорадочно соображал, чем бы занять такой прекрасный вечер. Получив ключи от уютного 2* номера, первым делом необходимо было горячим духом

согреть усталые мышцы и ледяным остудить воспалённое воображение. И уже через полчаса мы с Димой – благочестивым, но гордым – были готовы на подвиги во славу царя и отечества.

Если то, чем нас потчевали в самолёте, позволительно назвать обедом, тогда тушканчика можно смело называть царём зверей. И хотя грех чревоугодия Вашему Покорному Слуге почти не ведом, предложение посетить местный ресторанчик было как нельзя кстати. Даже как-то невзначай вспомнилось, что у меня день рождения.

Последнее время на «майские» всегда уезжаю из Первопрестольной, чтобы избавить свои уши от «дружеских поздравлений». С изобретением мобильных телефонов у всех, кто вспоминает обо мне всякий час, появилась прекрасная возможность написать коротенькое SMS-поздравление, избавляющее от необходимости тратить уйму времени на никчемные ответы и благодарности. А если кто-то «забыл» поздравить, то оно и к лучшему.

Путешествия же дарят нам уникальную возможность познакомиться поближе с приятными попутчиками, и забыть о тех, с кем никогда не пошёл бы в разведку. Дима во всех отношениях был «попутчик из первой когорты», поэтому знакомиться с городом мы решили вместе.

Очаровательная хозяйка отеля, представившаяся Маргаритой, любезно согласилась подвезти нас до ресторанчика, где, по её мнению, лучше всех в городе готовят октопусы. Как можно не согласиться с дамой, тем более что трактирное заведение явно принадлежало её брату. Это, конечно, детали, все мы братья в этом мире, но почему бы не сделать приятное родственнику: сезон-то ещё не начался и трактир не ломился от посетителей.

По большому счёту, сегодня мы с Димой были первыми. Янис, так звали хозяина, на вид лет пятидесяти, был немного тучен, седоват, зато безмерно добродушен. По-русски он говорил довольно сносно, вероятно русские туристы и паломники бывали здесь более частыми и желанными гостями, чем разные представители просвещённой Европы. Мой попутчик, по моим наблюдениям, готовился к путешествию очень тщательно, аще убо выучил несколько фраз по-гречески, и даже не поленился приобрести и захватить с собой русско-греческий разговорник.

– Калиспэра! Пос эстэ? – Приветствие на родном языке было для Яниса настолько приятной неожиданностью, что улыбка весь вечер не сходила с его лица.

– Калиспэра! Эфхаристо. Имэ поли харуменос. (Добрый вечер. Спасибо. Я очень рад).

Хотя наш затрапезный вид никак не предвещал щедрых чаевых, видимо, не всё меряется деньгами в этом мире: смирение и невзыскательность паломников он ценил не менее высоко.

Янис держал здесь ресторан, должно быть, не первый год, поэтому интуиция его не подвела и на этот раз. Даже музыку он «угадал в десятку», и весь вечер нам ласкали слух неторопливые греческие и даже русские мелодии, а не какой-нибудь рэп или «хэви метал».

Рюмочка «бузы», – греческой водки – согрела душу, и Дима, доселе более молчаливый, стал намного словоохотливее.

Узнав, по какому случаю мы, собственно говоря, вкушаем брашно, от всей души меня поздравил и даже в стихах, что было приятно вдвойне. Ибо творческие люди, даже при всех своих недостатках, как правило, личности неординарные, не «безликая серая масса». Ответив стихами же на его благой порыв, мы как бы обменялись верительными грамотами, и беседа потекла неукротимым потоком слов душевных, ласкающих барабанные перепонки.

Тем временем Янис принёс нам долгожданные деликатесы, а бутылочка «Халкидики» перевела последние минорные аккорды нашего настроения в «фа-диез мажор».

Правда, вспоминая то наслаждение или лучше сказать блаженство, с каким вкушал это блюдо автор известного бестселлера, мы были немного не то чтобы разочарованы – просто малость удивлены: что же такого особенного он в нём нашёл? «Включив» умный вид тонких ценителей морепродуктов, мы с Димой перешли от слов к делу.

Если кто никогда не вкушал октопусов, однако читал известный бестселлер и исходит завистливой слюной, скажу прямо: сей деликатес мало отличается от маринованного дождевого червя, кабы того увеличить раз в десять, порезать пальчиками и пожарить на углях. Ради чего раб Божий Алексей был готов продать душу дьяволу, мне совершенно непонятно.

Говоря откровенно, если бы Янис, к примеру, захотел попасть в Книгу рекордов Гиннеса или позволить себе нанять в качестве посудомойки Билла Гейтса, ему было бы достаточно открыть свой ресторанчик где-нибудь в Твери аль Урюпинске и «озаглавить» сие блюдо, скажем, «Члены КПСС». Желаящие вкусить его записывались бы за год вперёд, и можно было смело «обезжиривать» наивных посетителей на кругленькую сумму.

Но, видимо, Янис был «самых честных правил» или только самых честных грабил, во всяком случае, подобная затея ему в голову не пришла. Тем лучше. Мы же без негативных эмоций приступили к трапезе и даже стали нахваливать здешних поваров.

Бутылочка «Халкидики» также сделала своё дело, и первый вечер на гостеприимной греческой земле прошёл на уровне «пятого неба». Если бы октопусы ещё и не подгорели, тогда бы точно были на «седьмом». Посоревновавшись с Димой в искусстве благоречия и обсудив тайны мадридского двора, мы как-то незаметно перешли к десерту. Чашечка ароматного кофе с холодной водой, – а греки по-другому не пьют, – сделала наш вечер просто сказочным.

– Мэ синхоритэ. Посо кони? – подал голос мой юный друг. (Извините. Сколько с нас?)

– Ористэ! – Янис положил на столик счёт. (Пожалуйста)

Незначительно «облегчив» наши портмоне, мы не забыли прочитать благодарственную молитву, после чего направились к выходу.

– Хэретэ! – возопил благочестивый, но гордый гостеприимному хозяину. (До свидания)

– О Фэос воифос! – был ответ. (Да поможет вам Бог)

Душевно распрощавшись с Янисом & К°, новоиспечённые друзья отправились погулять по городу, дабы иметь о нём полное представление. А на сытый желудок и представление всегда рисуется в совершенно иной палитре. Если быть предельно точным, то «по литру».

Театров и музеев в городке был явный дефицит, по правде сказать, местные и слов-то таких не знают. Зато ресторанчиков, лавок и отелей было настолько с избытком, что сразу вспомнился уездный город N из популярного романа Ильфа и Петрова. Только там люди рождались, ажбы постричься, побриться и сразу умереть. А в Урануполисе жители рождаются в сувенирной лавке или в отеле. Хотя, кто бывал в Южной Италии или Испании, вряд ли чему-

то удивятся. Этим живут все южные приморские городки, так, что америки для себя мы не открыли.

Единственная достопримечательность «планетарного масштаба» – это сторожевая башня! Построенная в XII веке, она до сих пор напоминает о славной истории отражения пиратских набегов жителями Урануполиса в средние века. А в нынешнем веке служит украшением центральной площади.

Прогулявшись по довольно-таки уютной набережной с обилием цветов и субтропических деревьев, насладившись превосходным зрелищем южного заката, мы вспомнили, что утро для нас начнётся не то чтобы с рассветом, а немного пораньше. Если мы хотим попасть на Афон, то расслабляться не стоило. Поэтому ввиду очень быстро опускающейся южной ночи, устремили наши взоры в сторону отеля.

Чем хороши все приморские городки, так это тем, что вытянуты вдоль побережья, и в них даже пьяному ёжику невозможно заблудиться. Но это только на первый взгляд.

Несмотря на то, что в молодости меня учили безошибочно ориентироваться в любой местности, разведчиком мне стать было-таки не суждено. Слава Богу за всё, но навык пригодился.

Отель наш находился на самой окраине города, поэтому путь, вроде бы, предстоял неблизкий. К тому же Маргарита везла нас довольно-таки продолжительное время, и мне показалось, что «домой» мы будем тащиться больше часа.

Однако знакомые очертания нарисовались достаточно скоро, и контуры его врезались в память, но что-то уж очень быстро, как мне померещилось, мы до него дошли. Дима пока не проявлял видимого беспокойства, и мы продолжили наш тернистый путь по цветущей долине под соловьиный аккомпанемент.

Вот уже последние огни скрылись за поворотом, и дорога пошла между небольших сопok и реликтового леса. А где же отель? Непонятно.

На обочине дороги показалась миниатюрная часовенка, которую мы точно видели. Весь вопрос: когда? И чем дальше мы углублялись в неизвестность, тем отчётливее становилось, что не напрасно азъ недостойный сменил профессию: в разведчики явно не годюсь.

Пришлось всё-таки прислушаться к голосу разума и повернуть обратно. Димон был уже готов покрошить меня в лапшу, но кристально чистый воздух, ночная прохлада и соловьиное пение чуть-чуть смягчили его душу, и он ограничился лишь двумя-тремя фразами по поводу моей «профессиональной интуиции». Что делать, и на старуху бывает проруха.

Если бы он знал, что его ждёт завтра, то придержал бы свой язык на уровне гланд. Но разве что пророки могут предсказать, что нас ждёт завтра. Ан нет пророка в своём отечестве...

Вот и наш отель! Хоть и 2*, но с бассейном. На моё предложение охладить темперамент Дима ответил «б-р-р-р», и всё-таки любезно согласился сопроводить меня до купели.

Купание во святых источниках – явно не его стихия.

Вода в бассейне была ненамного теплее, чем на Крещение в Дивеево, тем не менее это не помешало мне с полчасика поудивлять местный бомонд. Очаровательная Маргарита подумала, вероятно, что в её тихую обитель пожаловали не паломники, а «руссо туристо – обликo не совсем морале», поэтому приготовила «десерт».

Одна из её подруг была примерно её возраста, черноволосая, смуглая, с формами «а ля Рубенс отдыхает». Голос представлял нечто среднее меж иерихонской трубой и сиреной пожарной машины, смех напоминал плач козодоя, а неистовая мимика – танец Майкла Джексона.

Вторая была моложе, светлолицая, тоже жгучая брюнетка, по формам уступавшая первой примерно в половину. Цветастый топик был настолько невесом и так плотно облегал её естество, что казался нарисованным на теле; а бриджи просто сливались с южным загаром. И если бы не полужакрытые татуировки в виде бабочки на левом плече и в виде дракона на правом бедре, и рельефно выступающие контуры нижнего белья, то можно было подумать...

Но лучше не думать. Кстати, у «первой леди» ядрёные ягодицы были едва прикрыты коротенькой юбчонкой с вырезами спереди и сзади аж до интимных мест, а полупрозрачный топик при отсутствии нижнего белья даже не пытался что-либо скрыть. Похотливый взгляд и размалёванные пухлые губы беззвучно горланили о том, как скучно жить без кобеля.

Не помню кто, но очень мудро заметил: когда рядом с мужчиной нет женщины, он начинает делать глупости; когда же рядом с женщиной нет мужчины, то она начинает делать пакости. Не знаю, что лучше, а что хуже, но I'm всегда стараюсь избегать подобного общения.

Третья была моложавой шатенкой, чертами лица напомиравшую то ли дочь лихих степей, а может и Аравийской пустыни. Крупные серьги, кольца, браслеты дополняли её гардероб, состоящий из короткого сарафана цвета ультрамарин и причудливой формы босоножек-чулок.

Плечи и спина, меж тем, были открыты почти «до пупа» и вообще кутюрье, создавший этот шедевр фактически из носового платка, обладал незаурядным талантом, если сарафан более открывал, нежели скрывал вожделенное тело. Ярко-розовые бретельки были явно не от сарафана, зато на фоне кофейного загара смотрелись очень эффектно. Ногти – что на руках, что на ногах, и даже губы были выкрашены в тот же ядовитый ультрамарин.

Фигура её была точёная во всех отношениях, прямо как у Венеры Милосской, да и вообще в её облике было что-то венерическое. Голос её был тихий, вкрадчивый, движения как у павы, взгляд тёмных глаз заманчиво-выразительный и красноречиво свидетельствовал о том, что у этой мадам на уме. Если то, что скрывала её черепная коробка, позволительно назвать умом. Мамзель очень уж напоминала африканскую ящерицу игуану в момент охоты за добычей.

Говорят, чтоб стать манекенщицей, нужно иметь два образования и как минимум третьего размера. Игуана зёло соответствовала этим стандартам, потому в более благородном занятии представить её было сложно. Отсутствие самца по жизни также выражала каждая её клетка.

Мужчина средних лет, составлявший им компанию в этот вечер, бывший, скорее всего, сутенёром (хотя зачем так плохо думать о людях), был среднестатистическим греком, с густой, как у льва, шевелюрой, без особых примет и вредных привычек. Впрочем, он удалился спустя непродолжительное время, так что нарисовать его в памяти у меня не получилось. Да и, честно говоря, не было особого желания.

Дима тем временем уселся строчить повествование на тему прожитого дня. Везёт мне на попутчиков-летописцев! Ачть не исключён вариант, что когда-нибудь лет через эдак... мне бросится в глаза со стеллажа книжной ярмарки знакомое имя, и броский заголовок заставит потянуться за портмоне. Тогда уже вся страна, а может быть и весь мир узнает, что в лето две тысячи ...надцатое от Рождества Христова, мая в четвёртый день, два брата-россиянина прибыли на благословенную греческую землю, чтобы вписать ещё одну яркую страницу в летопись своих паломнических устремлений.

Когда Маргарита решила полюбопытствовать, не «сварился» ли Ваш Покорный Слуга в ледяной (по её понятиям) воде, пришлось сделать жест доброй воли и прекратить шокировать публику. Её подруги по-разному, но очень бурно выражали восторг по поводу силы русского духа, строения моего тела или чего-то ещё, что это самое бренное тело дополняет. Так и хотелось подколоть их чем-нибудь, типа «почём вы, девушки, красивых любите?» Но смысл сей шуточки понятен и свеж лишь родившимся в России, а на большее те красавицы вряд ли бы вдохновили даже С.Есенина. Поэтому автор этих строк решил благоразумно промолчать.

Махровое полотенце повысило мой тонус ещё на пару градусов, а восторженные женские голоса ещё на пару децибел. Поскольку отель по своим размерам уступал «Метрополю» примерно на два порядка, необходимости одеваться, чтобы проследовать в свой номер, не было никакой. Более того, у меня возникло такое ощущение, что если бы азь многогрешный решился искупаться в «костюме Адама», то и тогда никакого шока бы не было.

Местный бомонд подобным вещам давно перестал удивляться. И мне, вдруг подумалось: «Интересно, а наши ночные бабочки на Тверской, одеваются и ведут себя скромнее или азь недостойный настолько отстал от жизни, что не поспеваю за падением нравов?»

После всего увиденного и пережитого мне стала очень даже понятна позиция Афонского Протата, ни под каким предлогом не пускать особой женского пола в свою вотчину! Окажись Ваш Покорный Слуга на их месте, и моя позиция по этому вопросу была бы твёрже гранита.

С этими мыслями, после прочтения вечерних правил, азь твёрдоубеждённый отошёл ко... не пугайтесь, ко сну. Сон в первую «греческую» ночь был поистине младенческим.

Глава IV «Агио Пантелеимон»

Что день грядущий нам готовит? Как гласит известная народная мудрость «Знать бы, где упасть – соломки бы подстелил».

* * *

Исходя из факта, что соломки мы не захватили с собой, падать мы не собирались. Более того, собрались подниматься по «духовной лестнице» на Святую Гору. И эту самую лестницу нам предстояло преодолеть за неполных две недели.

Вот чего мы действительно меньше всего ожидали по нашем пробуждении, так это проливного дождя. Замечательный вчерашний вечер и сказочный закат такой погоды вовсе не предвещали. Почему вдруг небо опять расплакалось, одному Господу ведомо. В народе гово-

рят, что радуга – это врата Рая, а чтобы увидеть радугу, нужно пережить дождь. Очень скоро мы это поймём, ибо ничего в этом мире не происходит не по Божьей воле. Тем паче на Афоне!

Хотя телом мы до него ещё не добрались, но душой и мыслями были там. Уже парили чайками над тихим побережьем, шумели листвой деревьев в лесах и рощах, облаками обнимали вершину Святой Горы. А для того, чтобы ко всему этому прикоснуться, всё это постичь, требовалось всего ничего: получить Диамонитирион, купить билет и... А что и? Please в путь!

Прочитав утренние правила и «утопив грехи во святой воде», можно было расслабиться и подумать немножко о мирском. Завтрак был не намного сытнее, чем вчерашний обед «под крылом самолёта». Знать бы, так можно было смело почивать ещё полчаса, сил бы это дало несравненно больше. Дивен Бог во святых Своих!

Сколько же мы грешные тратим времени, средств, а порой и здоровья, чтобы восстановить утраченные силы, тогда как святые по горячей молитве *даром* получали благодать от Бога!

Ну, когда же, наконец, Небо успокоится? Неужели столько грехов накопилось, что суток не хватило, дабы их смыть? Дима, чтобы не пребывать в праздности и унынии, устроился поудобнее в кресле на балконе, и решил, не теряя времени даром, продолжать писать свои путевые заметки. Мне ничего другого не оставалось, как изучать путеводители, авось пригодятся.

Ливень тем временем даже не думал успокаиваться. Хорошо, что мы вчера не поленились прогуляться и пофотографироваться. Спозаранку такого желания почему-то не возникло. Однако до «консульства» нужно было всё же как-то добираться, но как?

Мрачные мысли прервал вкрадчивый стук в дверь. Открываю – Маргарита.

– Вас подвезти до пристани? – проговорила наша очаровательная хозяйка на довольно-таки чистом английском языке.

– Конечно, если можно. Мы будем очень рады, – хотелось мне ответить ей, только мой английский был в своё время, согласно инструкции ВЦСПС, отмечен как «ниже среднего» по пятибалльной системе оценки знаний. Что удивительно, она меня вполне поняла, и через десять минут мы уже садились в «не первой свежести» «Форд».

Тем не менее ни о каком ропоте относительно неудобства и речи быть не могло. По сравнению с утренней яичницей, тем паче чечевичной похлёбкой, это был Божий дар, поэтому всю дорогу мы возносили молитвы Творцу по поводу непонятно за что дарованной нам милости.

Возле «Проскинитон Графионе» – так официально именуется тот заветный домик, где выдают афонские паспорта – Диамонитирионы, несмотря на проливной дождь, толпились два десятка желающих к нам присоединиться. Подождём, куда деваться.

Однако ждать пришлось совсем недолго, аще убо процедура занимает минимум времени. Купить билеты на паром так же не составило труда: касса находится с другого торца здания. Теперь можно было расслабиться, но так, чтобы не «проспать» посадку на плавсредство.

Ваш покорный ещё со времён службы в N-м «почтовом ящике» привык к тяготам походной жизни, поэтому «вылечился» от греха чревоугодия. Дима же был продуктом другого поколения, и пройти мимо ароматно пахнущей стойки было выше его сил.

На его предложение вкусить чего-нибудь подостойнее «казённого завтрака», автор этих строк как можно любезнее ответил, что «столько не ворую». Димыч уловил намёк, но всё же сидеть дурнем при таких ароматах было для него «выше крыши».

Чашечка обжигающего кофе с холодной водой и порцией фисташкового мороженого придала несколько суровому выражению его лица столько блаженства, что прямо хоть сейчас на икону. Как всё-таки мало нужно человеку для счастья! Особенно советскому...

Меж тем стрелки некогда подаренного мне одним солидным господином «Сейко» напомнили, что пора бы и честь знать. Толпа исключительно мужского рода шумно начала подаваться в сторону пристани. Все как один были сосредоточены и немногословны. Афон!

Его дыхание ощущалось даже здесь. Дима, с видимым сожалением (ну почему так мало!) допив ароматный напиток, не стал гадать на кофейной гуще, взвалил на плечи скромный рюкзак, который оказался больше него самого, и мы летящей походкой засеменяли к арсане.

Белоснежный «Агио Пантелеимон», подобно гигантскому киту раскрыв могучую «пасть», поглощал желающих попасть на Афон в своё безразмерное чрево. Бдительные таможенники у всех проверяли наличие Диамонитирионов, и только после этого давали «добро» на посадку.

Поднявшись по трапу на верхнюю палубу, мы облюбовали себе довольно-таки уютное местечко в кают-компани. Мягкие удобные диванчики, кондиционер, бар – м-да! паломники на Святую Гору аскетизмом явно не страдают. И тут же поймал себя на мысли, что не мне грешному судить, и возблагодарил Творца за очередную проявленную к нам недостойным милость.

Взревели винты, «клюв» закрылся и, без традиционного в России «Прощания славянки», «Агио Пантелеимон» взял курс на юг. Утопающие в зелени кварталы Урануполиса накрыла пелена дождя, и очень скоро даже сторожевую башню невозможно было разглядеть.

Чайки, однако, как ни в чём не бывало, парили над пучиной морской и сопровождали мерный гул винтов своим навязчивым криком. Несколько смельчаков, не побоявшихся растаять под проливным дождём, кидали им кусочки корма. Чайки громко «благодарили» на своём языке, и это хоть немного разнообразило монотонность нашего путешествия.

Салон, меж тем, заполнился «на все сто», ибо желающих мокнуть под дождём на палубе в этот день не нашлось. Нам с Димой составили компанию представители Нового Света, насколько азь недостойный смог разобрать их американский английский. Да и по поведению, уж кого-кого, а соединённоштатников можно отличить всегда.

Прямо напротив меня «бросил якорь» мужчиночка центнера полтора весом. Глядя на выражение его лица, так и подмывало спросить: «Простите, вы художник, или просто с похмелья?» Однако познания мистера соединённоштатника в русском языке, видимо ограничивались словами «водка» и «русская мафия».

Хотя в лихие 90-е во все языки мира вплелось ещё слово «перестройка» (прошу не путать с перестрелкой). Тем не менее, мало кто понимал его истинный смысл, поскольку строить во всём цивилизованном мире как-то принято один раз и навсегда, и это действие на собачьем языке звучит «building». Перестраивать модно лишь в Стране Дураков, «у них» перестройка переводится как «дебилдинг», что, впрочем, не так уж и далеко от истины.

Ещё для таких случаев у меня припасено дежурное: «Простите, вы тоже плывёте этим паромом?» Но вовремя осёкся, ибо, зная «чувство юмора» соединённоштатников, дабы ответить на подобный вопрос, у господина мог произойти «сбой компьютера». Посему автор этих строк на его приветствие ограничился лишь кивком головы.

Дима опять был целиком поглощён созданием своего бессмертного творения, предоставив мне грешному с головой погрузиться в чтение. Увидеть пейзаж за бортом мешали замутнённые дождём окна кают-компаний, а желания проветриться, по-прежнему, не возникало.

Янки вели себя довольно шумно, поэтому попытка сосредоточить всё внимание на книге мне тоже не удалась. Мужинька «в полтора центнера» рассказывал более молодому соседу

что-то смешное, видимо анекдот типа «Встретились Билл Клинтон и Дебил Ельцин...» Молодой от души хохотал, обнажая все свои тридцать три прокуренных зуба.

ВПС хотел было с явным неудовольствием предпочесть столь почётному соседству променада под дождём, но внутренний голос призывал ко смирению, к любви и терпению. Видимо, таким образом Всевидящий проверял меня «на вшивость». Преодолев малодушный порыв, азъ недостойный начал читать Иисусову молитву. «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго». «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, молитв ради Пречистыя Твоя Матере, помилуй мя грешнаго». «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, молитв ради Пречистыя Твоя Матере, преподобных и богоносных отец наших и всех святых, помилуй мя грешнаго».

Тёплая компания вдруг неожиданно ощутила чувство голода и гуськом направилась в сторону барной стойки. Воздав хвалу Господу нашему, Г'т, не прекращая молитвы, решил-таки полюбоваться открывшейся картиной побережья, благо не поленился захватить с собой ещё принесённый отцом с фронтов Второй Мировой войны армейский бинокль.

Справа, за пеленой дождя, трудно было что-либо разглядеть. Зато слева уже показались на фоне поросших лесом скал крохотные кельи отшельников, причудливые купола часовен, сторожевые башни и арсаны монастырских пристаней.

Красота пейзажа заставила меня всё-таки покинуть уютный уголок и выйти на палубу. Но цейсовская оптика быстро «вышла из строя», поскольку протирать её при таком дожде нужно было поминутно. Стоять в проходе было также невозможно из-за слишком большого количества любопытных, поэтому пришлось вернуться к насиженному месту.

Дима, наконец, оторвался от дневниковых записей и обратился ко мне с надеждой:

– Сэр, а не худо бы нам кофию испить! – и он смачно и шумно сглотнул слюну.

– Отнюдь. И даже пирожка откусать, – желая не удаляться манер, ответил ВПС.

– Так за чем дело стало? Вперёд! – скомандовал мой юный друг, и мы предприняли попытку прорваться к барной стойке. Но не тут-то было!

Желающих хватало с избытком, но юнга готов был стоять до победного. Мне такая затея была не по душе, но из солидарности решил не бросать попутчика. Минут через десять желание пропало окончательно, и со словами «Сеня, я жду тебя за столиком», азъ неголодный не спеша возвратился на исходный рубеж. Мужничка «в полтора центнера» со своим компаньоном уже уютно расположились за столиком, и на этот раз молодой, бурно жестикулируя, о чём-то рассказывал. Из его рассказа мне удалось выхватить лишь несколько знакомых слов, но то, что у молодого где-то под Филадельфией жена и дети – факт неоспоримый.

Димыч всё-таки достоял до победного, и запах Chibo защекотал мой нос. А когда он вонзил свои бивни в румяный тостик с беконом и сыром, под ложечкой у меня предательски заурчало.

Дабы не смущать присутствующих, автор этих строк снова углубился в духовное чтение, «стараясь не о пище тленной, но о пище, пребывающей в жизнь вечную, которую даст вам Сын Человеческий», как наставлял автора известного бестселлера его духовник. Мне же наставлять было некого, самого бы кто наставил, поэтому сотворив на максимум чело Сократа, Ваш Покорный Слуга истово внимал строкам Священного Писания.

Остались в прошлом Иваница, Зографская пристань, Дохиар, за пригорком показались купола Покровского храма Свято-Пантелеймонова монастыря. Ещё минута, и вся панорама чудесной обители предстала нашему пытливому взору.

Публика всё-таки высыпала на палубу, не в силах устоять перед такой красотой. Объективы фотокамер мелькали перед моим носом с калейдоскопической быстротой, стараясь не пропустить самый выгодный ракурс. Мой же взгляд был прикован к монастырю как магнитом.

Паром уже со снайперской точностью причаливал к арсану, когда у меня неистово возникло желание «зайти на сайт». «Интернет» располагался ближе к корме, & Г'т не без гордости отметил, что «Агио Пантелеимон» – пожалуй, единственный корабль в мире, где «интернет»

только мужской. Сделав своё мокрое дело, ВПС с видимым облегчением подхватил рюкзак и не спеша начал продвигаться к выходу. И в этот самый момент увидел бегущего мне навстречу благочестивого, но гордого попутчика, с выпученными глазами.

– У тебя что, расстройство после завтрака? – спрашиваю юного паломника.

– Какое расстройство? Мы пролетели как фанера над Парижем. Уже в Дафни плывём.

– Как в Дафни? А остановки что, не было что ли? – азь есмь удивился ещё поболе.

– Была! Я думал, что вся толпа идёт на выход, а они монастырь фотографировали. И вдруг он р-р-раз, и отплыл! – Дима изобразил десницей жест, каким сазан уходит от рыболова.

– Фантастика! И что нам теперь делать? – спросил ваш покорный, больше для проформы.

Но тут в разговор включился невысокого роста седобородый монах, который подсказал нам, что не всё потеряно, паром скоро пойдёт обратно. На обратном пути он всегда заходит в «Пантелеимон», так что хлестать ушами по щекам не имеет смысла.

Азь нетерпеливый остыл во мгновение, но Димон, как уже неоднократно отмечалось, был благочестивый, но *гордый* молодой человек. Последовать мудрому совету старца было не в его страстной натуре, и он по прибытии в Дафни принял безапелляционное решение возвращаться во Свято-Пантелеимонов монастырь пешком. Несмотря на дождь. Несмотря ни на что!

Что тут скажешь? Разве что «Давай хоть в магазин зайдём». Благочестивый, но гордый, согласился, но вес рюкзаков и так зашкаливал, аще мы зашли лишь для того чтобы отметить.

Поскучав минут пять среди полок, купив для приличия пластиковую бутылочку nero, и, не видя других причин задерживаться, молча побрели по бетонированной дороге. Проезжавшие мимо джипы и микроавтобусы щедро одаривали нас грязью.

Но вот последний дилижанс покинул центральную площадь (впрочем, единственную) Дафни, и главный порт Святогорья погрузился в звенящую тишину. Дождь заметно ослаб, но совсем не прекратился: пришлось облачиться в штормовки.

Прохлады, меж тем, не ощущалось, дорога достаточно резко поднималась в гору, и всё это вызвало обильное потовыделение. Через полчаса такой ходьбы одежду нашу можно было уже выжимать. Через час ноги гудели как струны гавайской гитары, а желудок так и норовил прилипнуть к позвоночнику. Но какими мелкими казались нам эти проблемы по сравнению с тем, что мы, наконец, на Афоне!

Не чуя ног под собой, мы добрались до небольшой часовенки, и решили всё-таки в ней передохнуть. Дима тут же достал свой дневник, погрузился в творческий процесс, и, казалось, даже забыл обо мне. Азь позабытый тем временем разоблачился «по форме № 2» и предпринял отчаянную попытку высушить на промозглom морском ветру всё, что выше пояса. Частично мне это удалось, но дальнейший путь всё равно свёл мои усилия к нулю по Кельвину.

Справа открывалась панорама величественного монастыря Ксиропотам, о котором хочется рассказать особо. Монастырь расположен на склоне горного хребта в некотором удалении от морского берега и окружён густым каштановым лесом.

Древние предания называют основательницей монастыря императрицу Пульхерию, дочь императора Аркадия. На берегу до сих пор стоит «башня Пульхерии» (450–457). Монастырь получил своё название по имени святого Павла Ксиропотама, человека царского происхождения, жившего здесь отшельником. Император Роман восстановил монастырь императрицы Пульхерии по его ходатайству.

Над дверью здешнего храма до сих пор сохранилась надпись на греческом языке: *«Царевна Пульхерия, дочь Аркадия, первая построила этот святой монастырь; Вторым строителем был Роман вместе с иноками из Симонопетра, Святая Гора, 969–70».*

Имя святого Павла мы находим уже в первом типиконе Святой Горы (971 год). Он не одобрял идею создания крупных монашеских общин, которую старался воплотить в жизнь преподобный Афанасий, видел идеал пустынножительства в маленьких изолированных скитах

и отшельнических кельях. Император Константинопольский же принял сторону святого Афанасия, тем не менее Павел продолжал подвизаться, ведя строго аскетический образ жизни.

Но после кончины святого его община стала общежительным братством и к одиннадцатому веку превратилась в одно из богатейших на Святой Горе монашеских сообществ. С началом латинской оккупации и пиратских набегов Ксиропотам начал приходить в упадок.

В XIII веке, после Флорентийского собора, по указанию императора Михаила Палеолога монастырь принял унию с Римом. Однако, во время первой же совместной литургии монахов Ксиропотама и представителей римского духовенства мощное землетрясение уничтожило монастырь. Присутствовавшему при этом императору Михаилу Палеологу удалось спастись, а монахи погибли, все до единого!

Сын императора, Андроник, восстановил Ксиропотам как православный монастырь. Интересный факт: турецкий султан Селим I, завоеватель Египта (1512–20), щедро жертвовал на афонские монастыри и особенно Ксиропотаму. По словам самого султана, ему явились во сне Сорок Мучеников и повелели помогать этому монастырю.

Кроме собора в честь Сорока Мучеников Севастийских, Ксиропотам имеет ещё несколько небольших храмов и келий, расположенных к востоку от монастыря и в Карее. Сам же он по устройению внутренней жизни является исихастирием, то есть монастырём углублённой молитвенной жизни (исихия – молчание). Монахи, как духовное завещание святого Павла, соблюдают обет молчания, всячески ограничивая общение с внешним миром.

Монастырские ворота открываются в одиннадцать часов по европейскому времени, лишь для прохода паломников от ворот до храмового придела, для поклонения святыням, и обратно.

В Ксиропотаме хранятся множество святынь. Пожалуй, главная из оных – крупнейшая из сохранившихся часть древа Животворящего Креста Господня. На ней до сих пор видно одно из отверстий от гвоздей, которыми были прибиты руки и стопы Христа Спасителя.

Среди других сокровищ – мощи святителя Поликарпа, Сорока Мучеников Севастийских, святителей Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста, святого Григория из Армении, мучеников Прокопия, Игнатия и Трифона, частицы одежды со следами крови святого Димитрия Солунского и миро от его мощей.

Также в монастыре хранятся фрагменты даров волхвов; мантия, подаренная Константином Багрянородным; иконы Иоанна Предтечи, Святого Димитрия из Константинопольского храма Святой Софии; архиерейский жезл, сделанный из янтаря. Есть семь пареклисий внутри монастыря и девять вне его. В библиотеке также хранятся пергаментные и бумажные кодексы.

Если бы мы сразу по прибытии в Дафни решили пойти в Ксиропотам, то вполне могли успеть поклониться святыням. Время, однако, было упущено, а идти туда «на дурачка», чтобы просто поцеловать порог, особого желания не возникло.

Дождь, меж тем, почти прекратился, а до «Пантелеимона» ещё пилить и пилить. Просушиться при такой влажности всё равно не было шансов, и мы по-рыхлому собрались, дабы продолжить наш тернистый путь.

Бетонка резко уходила вправо, прямо же вела едва заметная тропа. Указателей было не видать ни зги, поэтому, решив не испытывать судьбу, мы пошли по дороге. В любом случае она приведёт нас к жилью, а вот тропа может завести Бог знает куда.

Всё, казалось бы, сделано было по инструкции, вот только помолиться забыли. Беседуя о проблемах глобализации, мы лихо мерили шаги, а куда? – непонятно.

Пока дорога шла «по горизонтали», особой усталости не чувствовалось. Но вот она пошла резко вверх, и тут уже вопрос возник как-то сам собой: а правильно ли мы идём? Ведь монастырь расположен на берегу моря, дорога должна идти вниз, а не вверх. И спросить было не у кого: ни машин, ни пешеходов. Дима уверенно шагал вперёд, никакая сила, казалось, не могла его столкнуть с пути истинного. Как ему рисовало его воспалённое воображение...

«Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного». «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, молитв ради Пречистыя Твоея Матере, помилуй мя грешного». «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, молитв ради...» – рефреном слетало с моих уст.

Неожиданно из-за очередного поворота навстречу нам вышел бородатый безсребренник, ибо вся поклажа его состояла из посоха, выструганного из ствола трёхгодовалой осинки, а одежда была – нечто посредине между одеянием монаха и лохмотьями БОМЖа.

Путник шёл с непокрытой головой и в шлёпанцах на босу ногу. Из его уст вырывались заунывные звуки то ли молитвы, то ли херувимской песни на непонятном языке.

– Do you speak English? – с надеждой обратился к нему азь многогрешный. Незнакомец помотал головой, и продолжал свой путь, как ни в чём не бывало.

– «San Panteleimon» a que lado? – Гm решил блеснуть своими познаниями в испанском.

Незнакомец крутанул рукой типа «следуйте за мной» и продолжил печатать шаг, даже не обернувшись. Нам ничего не оставалось делать, как сменить вектор на 180° и ускорить поступь примерно вдвое. Под горку идти было значительно легче, однако успевать за «порожним» путником при нашей поклаже было несколько проблематично.

Видимо не зря наставлял Христос своих учеников, выходя в путь не брать с собой ничего, кроме горячей молитвы ко Господу. Путник, тем временем, вернул нас «на исходный рубеж» – к часовенке, и, указав правой рукой на ту самую тропку, свернул налево, по направлению к Дафни. Больше часа пешей прогулки по дождю вылетели «коту под хвост».

– Похоже, отшельник, – Дима, молчавший всю дорогу, наконец, разлепил уста.

– Или из Ксиропотама, дал обет молчания, – ВПС подытожил его умозаклучение.

– Не похоже, что он монах. К тому же монахи все среакают по-английски, а этот только по-гречески. Или вообще ни по-какому, – юный паломник печально глядел ему вослед.

– Афон! – Мне больше нечего было добавить к сказанному, кроме, разве что лексики ненормативной в адрес юного друга. Мой хилый мозг переключился на «взять в толк, как нам идти по этой тропе», которая резко спускалась вниз в лесную чащу. На дне каньона шумел водопад, и шум воды настолько явственно ласкал наш слух, что лучше бы мы его не слышали.

После проливного дождя даже незаметный в жару ручеёк может стать непреодолимым препятствием. Димон, видимо вспоминая вчерашний вечер и свои упрёки в мой адрес, как-то в момент стал тихим и пушистым. Во всяком случае, при росте «метр с кепкой» его было не видать из афонской травы и не слышать из-за шума воды.

Когда пробирались сквозь кустарник, наша одежда как губка впитывала всю посылаемую с листьев влагу. От сырой травы кроссовки уже «чавкали», но мы этого даже не замечали, поскольку мысли сосредоточились на разумных предложениях по форсированию водопада.

А вот и он! Зрелище действительно заслуживало внимания и нескольких кадров. Но выбирать ракурс в сырой траве, когда с каждой ветки тебе за шиворот добавляется «доза непослушания», желания не возникло ни у меня, ни у благочестивого, но гордого.

Переходить его вброд по камушкам тоже занятие не для слабонервных: камушки были сплошь покрыты илом, а рюкзачок не прибавлял остойчивости. Не видел в этот момент цвет своего лица, но Димыча можно было различить среди листвы лишь по одежде и то с трудом.

По всем мирским канонам, за все его вчерашние реплики в мой адрес, сегодня Г'т законно мог утопить его в том самом водопаде. Но мы люди православные, смиренные. Бог ему судия.

Время, меж тем на Афоне хоть и местное, но на месте не стоит. Из каньона нужно было выбираться, да и в монастырь поспешать. Таким макаром и к вечерней службе не поспеем.

И опять уста помимо воли начали глаголати Иисусову молитву. Чётко у меня с собой не было, понеже не могу сказать, сколько раз повторил её под соловьиный аккомпанемент, пока справа, метрах, примерно, в двухстах, не раздался треск. Что бы это могло быть? Уж не медведь ли или кабан решил нами пообедать? К такому сценарию мы явно готовы не были, оружием не запаслись. Всё же – вот что значит русский человек – надо полюбопытствовать!

Развернув стопы под прямым углом, двое умников направились навстречу приключениям. Всё оказалось намного прозаичнее: у старой сосны от тяжести обломился сук, зато через

речку в этом месте был перекинут мост, да какой! Сработанный ещё рабами Рима. Антиквариат!

До чего же мудр Господь, знал, чем можно привлечь русского человека. Интересно, а мужничка «в полтора центнера», что из Америки, клюнул бы на такую приманку или проигнорировал? Хотя, скорее всего, его никогда бы не понесло в эти дебри на поиски приключений.

Скучный всё же народ соединённоштатники – нам не чета. Тратят миллионы долларов, чтобы поднять уровень адреналина в крови, а тут бесплатно! Только с Димом дружить надо, тогда будет тебе и дудка, будет и свисток, будет и полный комплект приключений.

Преодолев водное препятствие по античному акведуку, мы ускорили шаг, поскольку тропа была именно в этом месте, мы просто с неё сбились на звериную. Вот и указатель! Монахи позаботились, выкрасили камни в кумачовый цвет. Тут уж не заблудишься.

Дима заметно повеселел и даже порозовел. Ему стало казаться, что до «Пантелеимона» мы дойдём «одной левой». Небо немного посветлело, хотя сплошная облачность и не рассеялась.

Поистине райское соловьиное пение не смолкало ни на минуту, тихий шёпот прибоя, доносившийся с побережья, дополнял этот ангельский концерт. Про молитву Димыч забывал как-то сразу, и вот уже начал строить планы на самое ближайшее будущее. Горячий душ и чашка чаю! А лучше кофию! Непременно с лукумом! Как всё-таки мало нужно человеку для счастья! И сразу наглядный урок: не буди лихо, пока оно тихо.

На очередном вираже житейское попечение в обратку пришлось отложить. Тропа раздвигалась, да так, что угадать правильное направление было бы не по силам даже Пинкертону.

Указателей не было; вернее, был, но валялся в сторонке, выдернутый чьей-то «заботливой» рукой или лапой, не суть важно, но нам от этого легче не стало. В какую сторону он указывал, восстановить было невозможно, ибо невозможно было понять, к чему он вообще крепился.

Идти на разведку означало заблудиться окончательно, Димон предложил бросить жребий.

– А ты что, язычник? – от моего неожиданного вопроса юный друг потерял дар речи.

– Почему язычник? Как Господь укажет, – дар речи к нему также неожиданно вернулся.

– А ты уверен, что Господь укажет, а не дьявол над нами посмеётся, – хотелось мне хоть раз заставить благочестивого, но гордого обратиться с молитвой ко Всемилостивому Творцу.

Дима пожал плечами, что означать могло одно: гордыня его поубавилась, но до полной победы было ещё вёрст триста и всё лесом. А если быть точнее, то по горам и по долам. По Святогорью! Поэтому, чтобы окончательно убедить юного друга в силе молитвы, автор этих строк осенил себя трижды крестным знаменем, натянул на лицо смиренное выражение, опустился на колени, и неспешно начал читать молитву Животворящему Кресту:

Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его, и да бежат от лица Его ненавидящие Его. Яко исчезает дым, да исчезнут; яко тает воск от лица огня, тако да погибнут беси от лица любящих Бога и знаменующихся крестным знаменем, и в веселии глаголющих.

Дима стоял как вкопанный: глаза его выражали ту невидимую борьбу, которая происходит внутри маловерного, когда он умом понимает, что Господь обязательно придёт на помощь, но как? Каким образом? Какого ангела пошлёт, чтобы указать правильный путь?

Едва заметная усмешка на устах его была красноречивее всяких слов. И если усмешка перерастёт в циничное «ну и где же...», то человек уже никогда не станет убеждённым христианином. В этом Ваш Покорный Слуга убеждался неоднократно. Поэтому, продолжая осенять себя крестным знаменем и кладя земные поклоны, азъ недостойный продолжал:

Радуйся, Пречестный и Животворящий Кресте Господень, прогоняй бесы силою на тебе пропятаго Господа нашего Иисуса Христа, во ад сшедшаго и поправшего силу дьяволю, и даровавшего нам тебе Крест Свой Честный на прогнание всякаго супостата.

О, Пречестный и Животворящий Кресте Господень! Помогай ми со Святою Госпожею Девою Богородицею и со всеми святыми во веки. Аминь.

И только успел осенить себя крестным знаменем и сделать последний земной поклон, как птичка-невеличка (по-моему, это был соловей) вспорхнула с ветки и стремглав пролетела мимо нас в сторону побережья. Дима не обратил на птаха ни малейшего внимания, даже не заметил его. Тем лучше.

Встав на две точки опоры, Г'т голосом, не терпящим возражений, и характерным жестом вождя мирового пролетариата указал нужное направление. Дима был до з'бла обескуражен.

– Откуда ты знаешь? – не понял причины моей «вдруг» осведомлённости юный друг.

– А откуда фамилия Двугорбый? – мой «китайский» вопрос сразил его наповал.

– Как откуда? От верблюда! – Димон всё ещё не «врубился» в мой чёрный юмор.

– Ну, вот, ты и ответил, – Г'т взвалил на плечи рюкзак и лихо зашагал по направлению.

В несколько ошарашенном состоянии благочестивый, но гордый, молча следовал за мной. В его глазах застыл немой вопрос, сбивши глубокие морщины к самой переносице, словно он силился вспомнить закон Бойля-Мариотта применительно к спасению ямайских маргышек, но загасил уста на полторы задвижки. Если откровенно, то вчерашним бы вечером...

Подъёмы и спуски чередовались ещё пару раз, вскоре лес стал понемногу редеть. И вот, наконец, на фоне свинцовых облаков нарисовались кресты Покровского собора.

Духовной нагрузки на сегодняшний день начинающему христианину было вполне достаточно. Теперь можно было подумать и о брэнном теле, и о миірском попечении.

Но сюрпризы на сегодняшний день не закончились. Видимо ті hermano не до конца проникся мыслью, что старших обижать до з'бла нехорошо. Но об этом уже в следующей главе.

Глава V «Первый блин комом»

Вы когда-нибудь слышали притчу о замерзающем воробье? Если нет, то не трудитесь искать её во Священном Писании, к большому сожалению её там нет. Почему к сожалению? Уж очень она поучительна даже при всей её краткости. Особенно для тех, кто плохо понимает церковно-славянский язык, зато зъло борзѡ разбирается в народно-ненормативном.

А уж запоминается сия притча с первого раза и по гроб жития. Впрочем, на ваш суд...

«Одна маленькая, но гордая птичка, – пусть это будет воробей, – зимой, во время полёта подморозил крылья. Упал бедолага на землю, смерть неминуемая грядёт, взмолился Творцу. Смилостивился Господь над бедным птахом, проходящая мимо корова «сбросила» на него лепёшку. Отогрелся птах, вылез из дерьма и зачирикал от радости. А тут, как на грех, лиса мимо пробежала: услышала воробья, вытащила его и сожрала. Поэтому отсюда четыре морали:

- Высоко взлетел – в дерьмо попадёшь!*
- Не тот твой враг, кто тебя... ошастливил;*
- Не тот твой друг, кто тебя из дерьма вытащил;*
- И главная: если уж в дерьмо попал, то сиди и не чирикай!»*

* * *

Монастырь «Агио Пантелеимон», ещё в начале прошлого столетия самый большой на Святой горе, как по территории, так и по числу братии, – тогда в нём насчитывалось более двух тысяч монахов, – ныне занимает предпоследнее девятнадцатое место в иерархии афонских монастырей. В настоящее время там подвизается всего сорок человек братии, не считая послушников. К монастырю также относится скит Пресвятой Богородицы Ксилургу.

Основан монастырь богатым греком Фессалоникием (поэтому и назывался Фессалийским) на том самом месте, где ныне расположен Старый монастырь – Палеомонастирон, в

настоящий момент пребывающий в запустении, но не в мерзости. В 1169 году Протат Святой горы передал эту территорию монастырю Ксилургу (Богородицы), принадлежащему русским монахам сербского происхождения. С XIV века он стал называться русским монастырём, или просто Русик. В официальных же документах всегда именовался как Агио Пантелеимон.

В монастыре первоначально жили как русские, так и греческие монахи, причём последних было больше, и даже игумен подписывался по-гречески. Но по мере освобождения Руси от монголо-татарского ига, число русских насельников росло год от года. В начале XIV века монастырь сгорел, и тогда братия решила переселиться поближе к морю, на место нынешнего. Восстановлен Русик при помощи Византийского императора и сербских владык.

Однако период процветания длился недолго, и вскоре монастырь столкнулся с проблемами экономического характера. В 1666 году в нём оставалось всего двадцать человек братии, а в начале XVIII века – и того меньше: всего два русских и два болгарских монаха.

В середине столетия монастырь опустел окончательно и был закрыт. Долгое время он находился под покровительством Великой Середины – Центра Монашеской республики.

В начале 1806 года начинается великое возрождение. Правитель Молдо-Валахии Скарлатос Каллимахес оказывает монастырю щедрую финансовую поддержку, и потому всяк его стал именовать «истинное общежитие каллимахидов». Но с возобновлением в Элладе войны за независимость, обитель снова пришла в упадок. С 1840 года сюда вновь потянулись иноки из матушки-России, и название «Русский» вновь стало господствующим.

Благодаря щедрым пожертвованиям императорской семьи, прочих благотворителей из России, монастырь возродился за короткое время. В 1875 году там подвизалось монахов числом уж более тысячи, и был избран первый игумен из русских. Также более тысячи выходцев из православной России поселились в скитах, кельях и каливах по всей территории Святогорья.

Строительство Кафоликона – главного собора в честь великомученика Пантелеимона, было закончено в 1821 году. Он построен в византийском стиле, но увенчан типично русскими куполами с золочёными крестами. С 1875 года службы ведутся на церковнославянском языке.

На греческом служат в храме Успения Пресвятой Богородицы. Новый храм Покрова Богородицы построен в 1853 году и восстановлен после пожара в 1887–88 годах. В храме два престола: Покровский и Александра Невского. При этом на территории монастыря находятся двенадцать параклисий – небольших храмов и часовен, и тринадцать вне его.

Напротив Кафоликона расположена трапезная на восемьсот человек. Здание очень выразительной архитектуры, снаружи украшено фресками, внутри – мозаикой и расписными потолками. Также внутри монастыря находится огромное здание библиотеки, где хранятся более двадцати тысяч томов, кодексы на бумаге и пергаменте с записями церковных текстов и музыки. Вне стен монастыря за монастырской оградой расположены больница, архондарик – монастырская гостиница (правильнее сказать странноприимный дом), усыпальница, и кладбище.

Сейчас, как уже отмечалось ранее, в монастыре проживают сорок монахов, хотя в скитах и отшельнических кельях их гораздо больше. Просто, согласно эдикту, число братии не может превышать численности иноков монастыря Ксиропотам, где подвизается пятьдесят человек. Таким образом, греки как бы охраняют своё право на владение святогорскими монастырями.

Если раньше, в прошедшие века русских отличала именно склонность к коллективизму, общежительному укладу монастырской жизни, то теперь у наших соотечественников в чести пустынножителство – уход в отдалённые кельи, горные каливы, уединённые исихастирионы.

На Афоне уже давно существует как бы скрытое соперничество русских и греков. Русских монахов даже во взгляде отличает то, что можно определить, как сокрушённое сердце. Не углублённое созерцание, а живое страдание движет ими на путях монашеского подвига.

Грекам свойственна задумчивость, русским же – страсть и дерзновение ко Всевышнему, мучительная неудовлетворённость собой и миром. И за всем этим проглядывается радость

человека, как бы идущего со Христом на Голгофу, с которой уже виден, уже сияет венец ослепительного Небесного Града, Небесного Царствия.

То, что странноприимный дом находится вне монастыря, за стенами, весьма удобно, поскольку бесконечным «туда-сюда» паломники не мешают молитвенной жизни монахов. Да и после закрытия монастырских врат, гости не остаются один-на-один со стихией, а смогут обрести хотя бы какое-никакое пристанище в любое время дня и ночи.

Нам с благочестивым, но гордым паломником посчастливилось прибыть в благодатную обитель именно «в любое» и не самое подходящее время. Архондарик был закрыт уже полчаса как, которые мы благополучно посвятили «в угоду гордыне». Поселиться нам не грозило до восьми вечера, аще убо правило соблюдалось неукоснительно. Азь недостойный не стал говорить своему новоиспечённому другу совершенно естественных в таких случаях «в міру» комплиментов, поскольку люди мы православные, и за каждое слово будем держать ответ на Страшном Суде. Да и Дима был настолько ошарашен, что ругал себя сам ещё похлеще.

Мечты о горячем чае развеялись как дым от костра, и душ в этот день, как назло, горячей водой тоже не страдал. Холодным же душем мы и так были сыты «выше головы», а желание идти куда-либо ещё под непрекращающимся дождём, даже в голову не могло прийти. Дела-а!

К нашим услугам была лишь уютная лавочка и кран с питьевой водой. ВПСлуга, ещё работая на изысканиях, не раз попадал в ещё более суровые условия, поэтому приобрёл соответствующую закалку: подножный корм всегда имел в наличии, на «авось» не полагался. Дима же был дитя другой эпохи, и проявлять до вечера чудеса смирения был явно не готов.

Понеже устав всех монастырей Святой Горы предписывает трапезу после вечерней службы, то до заката нам предстояло «затянуть пояса». Поэтому от предложенного мной угощения, он даже из вежливости не стал отказываться. Интересно, а если бы мы «сели в лужу» по моему неразумию, благочестивый, но гордый повёл бы себя аналогичным образом?

Отгнав сии недостойные мысли, азь многогрешный прикинул, чем бы занять время до вечерней службы. Внимательно изучив правила внутреннего распорядка для паломников, мы усвоили, что на вечерней службе должны присутствовать все в обязательном порядке.

Так как день был предпраздничный, всенощная была почти шестичасовая. Литургия также начиналась намного раньше, поэтому все монахи, которые в данный момент не несли послушаний, активно отдыхали. Гостей кроме нас тоже не было видно, видимо они, как все нормальные и благопокорливые люди, поселились утром, и разошлись «по интересам».

– Коли вещи где оставить, могли бы хотя бы по монастырю походить, – «чирикнул», наконец, мой незадачливый попутчик, и с досады аж пнул свой безразмерный рюкзак.

– Думаешь, что кто-нибудь их тронет? – подивился азь многогрешный его неразумию.

– Да навряд ли, хотя куда идти-то? В лавке если что покупать, то лучше в последний день. Храмы и часовни тоже наверняка закрыты – все отдыхают перед службой. Тоска-а-а!

– Уныние, молодой человек – тяжкий грех, надо радоваться всему, что Господь дарует. Слава Богу за всё! – и после сказанного Г'м осенил себя крестным знамением.

– Чему ж тут радоваться? – уставился на меня Димон, при этом пятернёй расправив чёлку.

– Хотя бы тому, что имеем крышу над головой. Могли бы до сих пор скитаться.

Тут мой собеседник немного потупился: видимо ВПС «наступил ему на большую мозоль». Но угрызений совести у меня не было и в помине, пусть ещё раз прочувствует, полезно. Впредь будет умнее. Но тут же, сменив «гнев на милость», решил расширить его кругозор.

– Одно то, что ты проснулся сегодня утром и почувствовал себя здоровым, а не больным, уже делает тебя счастливее многих, кто вообще не переживёт сегодняшней день. Согласен?

– Естесью, о чём базар? – благочестивый, но гордый с явной неохотой пожал плечми.

– А раз понятно, тогда прикинь, что если у тебя есть еда в холодильнике и одежда на теле, крыша над головой и место, где можно соприкоснуть ухо с подушкой, то ты превосходишь три четверти людей на земле. А если при этом ещё стабильный доход и хрусты в кошельке, то ты богаче, чем девять из десяти человек в этом мире. Усекаешь, к чему я клоню?

– Да ладно заливать-то, – скептицизм ещё светился брызгами шампанского в его очах.

– Вы, сударь, дремучий, как Муромский лес. Надо иногда прессу почитать.

– И что же ты в ней вычитал? – брызги шампанского сменились блеском молнии.

– Вычитал, что если ты никогда не испытал страха в бою, одиночества тюремного заключения, агонии пыток и мук голода, то ты обогнал десятую часть населения земли.

Если ты можешь молиться в церкви без страха преследования, ареста, смертных пыток, то ты счастливее каждого второго на планете. И если ты теперь всё это знаешь, а ты же не будешь отрицать, что не знаешь, то ты один из ста, кому дан шанс.

– М-да, просветил, – Дима устремил взгляд в потолок, как будто там высветилось созвездие Кассиопея. – Может мне чечёточку сплясать. Или попрыгать от радости?

– Прыгать – это лишнее, а вот бодрость духа сохранять нужно всегда, если ты считаешь себя паломником. Ты вообще знаешь, почему паломников именно так называют?

– Не-а, слышал чё-то краем уха, но не въехал, – и он «вкрутил лампочку» возле уха.

– Оно и видать. Паломничеству уже скоро два тысячелетия. Ещё первые новообращённые апостолами христиане стремились побывать на Святой Земле, где ступал Сам Господь, Пресвятая Богородица, ветхозаветные патриархи и пророки. И как символ пребывания на Свя-

той Земле, они несли с собой пальмовые ветви. Перед такими людьми открывались все двери: любой почитал за честь принять посланца со Святой Земли.

«В какой бы город или селение ни вошли вы, наведывайтесь, кто в нём достоин, и там оставайтесь, пока не выйдете; А входя в дом, приветствуйте его, говоря: «миръ дому сему». И если дом будет достоин, то миръ ваш придёт на него; если же не будет достоин, то миръ ваш к вам возвратится. А если кто не примет вас и не послушает слов ваших, то, выходя из дома или из города того, оттрясите прах от ног ваших. Аминь глаголю вам: отраднее будет земле Содомской или Гоморрской в день Суда, нежели городу тому» [Мф.10; 11–15].

– Так это Он апостолам говорил, мы же не апостолы! – «смирил» себя мой юный друг.

– А кто тебе мешает им быть? Мария Магдалина, царь Константин, князь Владимир, что, родились ими? Или их изготовили на заводе «Компрессор» по спецзаказу? Апостолы те, кто, стяжав благодать Духа Святаго, просвещают людей светом Христовой Веры! Иуда Искарот был в числе двенадцати избранных, а апостолом не стал. А Савл поначалу был гонителем христиан, Христа в глаза не видел, зато стал не просто апостолом, а первоверховным!

Сколько посланий от Господа озвучено его устами. Вот и ты покайся, как апостол Павел, возлюби Всевышнего всем сердцем и душою, и ты станешь равноапостольным. И твоими устами будет глаголяться Слово Божие. А может и Откровение тебе пошлёт, как Иоанну Богослову, предскажешь дату Апокалипсиса. Здесь как раз уникальная возможность.

– Ну, ты скажешь тоже, – Дима закатил очи, будто воочию узрел картину Апокалипсиса.

– Скажу. Вот, к примеру, Антоний Великий просил Бога, чтобы показал ему самого совершенного человека на земле. И что же ты думаешь? Господь указал ему на самого простого сапожника в Александрии. Не на патриарха, не на архипастыря и, даже не на простого монаха.

На сапожника! Делай вывод... Паломничество, как утверждали святые отцы – это уход от греха не столько физически, сколько духовно. Главное в паломничестве – духовное совершенство, важно не куда ты идёшь, а сколько ты идёшь. Сначала восходишь помыслом, а потом уже ногами. Совершить *подвиг* – это *подвинуться* ко спасению, сделать ещё один шаг, ещё одно движение. А не броситься на амбразуру – это и дурак сумеет, если ему терять нечего.

Пядь – это толщина Креста Господня; преодолевая каждую пядь, ты приближаешься к духовному совершенству, и Благодатию Божью дойдёшь до Иерусалима.

Важно не где ты пребываешь, а в каком состоянии. Гордыня – самый тяжкий грех, поэтому если отправляешься с гордыней, то не дойдёшь. Ведь даже просто дойти до храма многим оказывается не под силу, а это тоже своего рода паломничество. Мария Египетская доплыла до Иерусалима, но незримая сила поначалу не пустила её в Храм Божий...

Наш разговор прервали вошедшие в архондарик туристы явно не «российского разлива». Что-то обсуждая на непонятном языке, и даже не перекрестившись на иконы Пресвятой Богородицы и целителя Пантелеимона, они обратились к нам на ломаном английском.

– No comprendo. Son russos, – ответил им ВПС на чисто-конкретно испанском. Но тут же осёкся... Грубить было явно лишним, даже если они в моём понимании совершили что-то из ряда вон выходящее. В конце концов, пред Богом им отвечать; моё дело – норка.

– Sorry. We are thinking... и дальше последовала продолжительная тирада на английско-румынском коктейле про то, о чём они думали. Судя по их виду и отсутствию поклажи, сесть они явно не собирались, а вот «откушать чаю» в гостевой трапезной были бы не прочь.

Ну, так и мы не отказались бы, но внутренний распорядок «Пантелеимона» был жёстче, чем климат Якутии. Хотя не исключено, что гости искали архондаричьего для того, чтобы он открыл им часовню, где хранятся все святыни русского монастыря. Но таких слов в средней школе не проходят, поэтому их сокровенное желание осталось для нас загадкой.

Потолкавшись ещё минуток несколько и полюбовавшись с балкона морской панорамой, гости направили стопы в сторону монастырского кладбища. Про него хочется рассказать особо, но поведаю как-нибудь позже, в другой главе. Ведь не прощаемся, *sin embargo* (однако)...

Мы же, проводив печальным взором гостей из некогда братской Румынии, вновь погрузились с головой в душеспасительную беседу. Мой собеседник не сказать, чтобы уж очень ей увлёкся, однако не находя другого занятия «более по душе», пытался переварить полученную информацию. От столь напряжённой работы мысли веки его стали сами собой слипаться, а скулы до «хруста в хрящах» сводило зевотой.

Проходивший мимо нас насельник Святого Пантелеимона, бросив даже беглый взгляд на «благочестивого, но гордого», не удержался от снисходительной усмешки:

– Ты говоришь, а у него в одно ухо влетает, а в другое вылетает.

– Ничего, что-нибудь да задержится, – азъ недостойный попытался вселить оптимизм во святого отца, хотя по большому счёту понимал, что, скорее всего, так оно и будет.

Димон, меж тем, встрепенулся, делая попытку всем своим видом показать, что беседа имеет для него историческое значение. И решил подтвердить это «компетентным» вопросом.

– Скажи, ну, вот если мы – паломники, и пришли в этот монастырь, а нас не селят. И что, нам отрясти прах от ног наших? – он жалобно взглянул на свои мокрые кроссовки.

– Ну, во-первых, кто тебе сказал, что нас не поселят? А потом кто виноват, что мы не послушали доброго совета? Может Сам Господь глаголил устами того монаха, а мы решили проявить своеволие. Гордыня, *mi hermano*, – тяжкий грех, вот мы и страдаем за это. Смирение же есть высшая христианская добродетель. Сие есть истина! Аминь!

– Да, я очень гордый, – признался, наконец, самому себе мой незадачливый попутчик.

Азъ недовольный не стал ничего отвечать, да и зачем лишние слова, если человек, наконец, сам осознал свой грех. Стало быть, покается в нём на ближайшей исповеди.

Снова погрузившись в свои мысли, мы даже не заметили, что дождь прекратился, и монастырь потихоньку начал приходить в движение. Паломники, видимо отдохавшие с дороги, стали выбираться из келий. Глядя на их цветущий и бодрый вид и «контрастируя» с ними по всем статьям, Дима ещё и ещё раз казнил себя за грех непослушания.

И как всё-таки Господь милостив к раскаявшимся грешникам! Сие также есмь истина.

К нам подошли двое ребят, видимо проникшись сочувствием к нашему затрапезному виду. Судя по всему, они на Афоне пребывали не первый день, о чём свидетельствовала хотя бы многодневная щетина, но ещё не борода. По всей видимости, ребята только здесь приняли решение «внешне соответствовать». Китайский вопрос: «А вы чего здесь сидите?» – снова вернул моему юному другу постное выражение лица.

– Да вот, подчиняемся внутреннему распорядку, – мой ответ вызвал лёгкий смех.

– Запомните: здесь только один распорядок – всем управляет Богородица! Просите Её о чём хотите, и дано будет вам, – ответил нам тот, кто представился Владимиром.

– Слава, – его спутник также протянул нам десницу.

Представившись и обменявшись с нами крепкими рукопожатиями, наши новые друзья, заметив недоумение во взгляде, решили нас «просветить». При этом сначала они пригласили нас в келью и угостили горячим чаем из термоса. Это был даже не чай, а настой афонских трав. Причём до того ароматный и вкусный, что мой спутник сразу позабыл как обо всех проблемах и перипетиях сегодняшнего утра, так и о благодарственной молитве.

Тот, кого величать Владимиром, оказался более словоохотлив, и стал нам рассказывать об их многочисленных приключениях на Афоне. Пешешествуют они уже неделю, даже чуть больше, прошли весь полуостров вдоль и поперёк, остался последний и самый главный «рубеж»: подъём на вершину Святой горы.

Причём ребята хотят подняться на неё именно Девятого мая, хотя святые отцы пока не благословляют осуществлять подъём. На самой вершине до сих пор лежит снег, и в дождь там сорваться в пропасть – нечего делать. Но охота пуще неволи, их это не останавливает.

– А ты не находишь, что это – гордыня, – ваш покорный, приняв позицию святых отцов, попытался уберечь шибко рьяных путешественников от необдуманного шага.

– Почему гордыня? – Володя искренне удивился. – Естественное желание.

– Сам же говоришь, что восходить на Святую Гору нужно со смирением, с покаянием, а не с «посвящением» чему-то и кому-то. Во имя Господа, а не ради какой-то цели.

– Согласен. Но мы посвящаем подъём Великой Победе!

– Это ты считаешь, что она «великая», но ведь Господь может считать иначе. Прокола не боишься? Можно и шею свернуть, а то ещё и похлеще чего, – Г'тм твёрдо стоял на своём.

– Ничего, пойдём с Иисусовой молитвой – будем всю дорогу твердить, должно повезти.

– Дай-то Бог! Только для этого как раз послушание-то и нужно. А если без благословения пойдёте, то Господь не только не услышит, наоборот, ещё проблем прибавит.

– До сих пор везло. Мы ни в один монастырь заранее не звонили, хотя греки всегда просят. Но они по-русски не понимают, а греческого мы не знаем, что толку звонить-то, всё равно ничего не поймём, ещё хуже будет: они откажут, а мы припрёмся.

– А ты по-аглички спикаешь? – вклинил словечко в разговор благочестивый, но гордый.

– В объёме средней школы, в которой немецкий изучал.

– Понятно. У нас та же песня. Пойдём тогда на авось, – азъ есмь сказал, как отрезал.

– Так и нужно. Только если хотите поселиться, приходите перед закрытием. Если до другого монастыря уже не дойти, то вас всё равно поселить обязаны. Правило здесь такое. Потому как на земле ночевать категорически не благословляют. Змей здесь ядовитых не меряно, сразу тяпнет и кранты. Пауки всякие, да и кабаны, слух идёт даже медведи. В общем, полный комплект. Так что об этом даже не думайте, чтобы ночевать «не в стенах».

В крайнем случае, в Карее и в Дафни есть гостиницы, но они небольшие, и в них мест тоже может не быть. Можно постучаться к какому-нибудь отшельнику, но они тоже неохотно пускают, поскольку места у них мало, а на полу опасно. Змея и в дом заползти может.

– А они что, не боятся что ли? – Нам с Димой при одной мысли сделалась дрожь по телу.

– Так они ж святые люди, их бесы не трогают. А мы кто? – резонно вставил Слава.

– Кони в пальто. А конского волоса змеи боятся, – резон прозвучал и в моих словах.

– Твоего факт не испугаются. Так что лучше не испытывать судьбу, а «включить дурака».

– Не понял! Переведи на испанский – *me esfuerzo, como el velocista antes de la salida*.

– *Buenas Aires, шлимазл, besa me mucho!* – Володя лихо изобразил Бубу Касторского.

– Ну, это-то, как раз, понятно, в Одессе бывали. Ты по-нашему, по-бразильски.

– А по-нашему: приходишь в любой монастырь перед закатом, заходишь в архондарик, скидываешь поклажу и изображаешь глухонемого. Он тебе там что-то лопочет по-своему, вроде как мест нет, а ты ничего не отвечай, только кивай, как лошадь, и сиди, помалкивай. Мол, да, конечно, целиком одобрямс, только куды бечь? Он повозникает-повозникает и успокоится. А ты жди и не дёргайся. В словаре Даля «варвар» – это кто по-гречески не сечёт.

Минут через пять он тебя водичкой угостит с лукумом, ты прими с благодарностью, перекуси и опять сиди. Бузы нальёт – выпей и не забудь поблагодарить.

– Чего нальёт? – разлепил уста мой юный друг.

– Ну, бузы! Водка у них такая. Типа самогона, только виноградная, пробирает до кишок!

– Чача что ли? – скривился начинающий паломник, словно сел на раскалённую кочергу.

– Ну да, типа того. Крепкая, но пьётся приятно. Потом кофию предложат, и усталость как рукой снимет. А уж после этого поселят обязательно.

Это у них вроде как *test* такой, тебя проверить. Могут и пару «китайских» вопросов задать.

– Нашивость что ли проверяют? – мой вопрос, однако, не вызвал удивления.

– Наверде того. Если ты смиренный и упёртый, тогда поселят. А если права качать начнёшь, полицию вызовут и браслеты оденут. При этом если диамонитирион не продлён, то отправят с Афона и в компьютер внесут. Больше никогда сюда не попадёшь, по крайней мере, в ближайшем обозримом будущем.

Диамонитирион выдаётся на четыре дня, потом его необходимо продлевать, для этого в Карею идти, в Протат. А это время, деньги, нервы, ты что, этим заниматься будешь?

Да и не нужно это никому. На это никто не смотрит, если не возникаешь. А ежели возбунешь, так всё равно выдворят, так что продлёнка однозначно не спасёт. Главное – всегда обращайся с молитвой к Богородице, Она всё управит. Проверено на собственном ливере.

Володя на минутку прервал рассказ, чтобы налить себе ещё «афонского чаю». Аромат снова наполнил келью, Слава достал какое-то экзотическое печенье, предложил нам.

У меня на всякий пожарный случай тоже всегда припасено. Посему повторный этап чаепития придал новый импульс нашей тёплой дружеской беседе.

– Во, кстати, случай у нас был, – заговорил доселе молчавший Слава. Мы в Зографе решили заночевать, это болгарский монастырь. Приходим полдевятого, а закат солнца сейчас на Афоне в девять, то есть означает полночь по-местному. Сиречь время бесов наступает.

– Это как так? – не понял мой юный попутчик.

– А так, правило здесь такое. Как солнце заходит, стрелки часов они на полночь ставят и ворота закрывают. Стучи – не стучи, всё равно не откроют. Вроде как бес к ним пожаловал. Тем более все они на службу уходят. А буянить будешь – сам знаешь. Разговор короткий.

– Строго.

– Зато справедливо. Ты слухай дальше. Зограф-то среди гор, там солнце раньше заходит за горизонт, так они и закрыли раньше. Мы приходим, по идее, за полчаса до закрытия, а монастырь уж полчаса, как закрыт. Вот тебе, бабушка, и Облом Петрович. Что делать?

Машин никаких нет, пёхать до ближайшего монастыря не меньше двух часов, а до Кареи и того больше. И калив никаких поблизости не изображено. Приплыли.

– Это вас Всевышний вразумил, чтобы не выпендривались, а поступали по чину.

– Может быть. Сидим мы, короче, на рюкзаках, не знаем, что делать. И тут Вован предлагает усердно помолиться Богородице...

– А ещё акафист прочитать, – снова вклинился в беседу Владимир. – И что ты думаешь? Только мы помолились, причём на коленях, только акафист открыли, глядим – джип рулит. Как раз в монастырь. Посигналил пару раз, ему ворота открыли, мы и вошли следом.

Сели на лавочку во дворе, сидим, нет никого. Все на службе. А когда служба закончилась, все на трапезу пошли, ну, и мы с ними. После трапезы выходим – архондаричий тут как здесь, поселили нас за милую душу, без проблем, монастырь почти пустой был.

Так что если проблемы возникают – молитесь Богородице. Только Она здесь всем управляет. Без Неё – никуда. Молитесь, и дано будет вам, ищите и обрящете.

А что, – подумалось мне, – может и вправду попросить нам Пречистую Деву, чтобы нас поселили «вне графика». Но быстро передумал: зачем лишний раз обращаться без дела, нужно терпеть. Терпение – есть Царствие Божие, – всегда любила повторять моя бабушка. Вот уж, воистину, Божьим человеком была. Та-акая смирение проявляла порой, только диву даёшься. Сразу вспоминаются святые угодники Божии, – только они на такое были способны.

Но, как мы смогли вскоре убедиться, Пресвятая Богородица настолько милосердна, тем более здесь, в Своём Уделе, что Её и просить нет никакой нужды.

Дверь неожиданно отворилась, и в комнату вошёл невысокий седой монах. Бросив на нас с Димой пронзительный взгляд из-под роговых очков, он проследовал в дальний угол, – если уместно так её обозначить – кельи, поскольку в ней свободно могла поместиться рота.

Большинство кроватей было свободно. Проще сказать, заняты были не больше десятка, остальные стояли, как попало. Отец И – й, как потом выяснилось архондаричий, стал расставлять их в шахматном порядке. Просить о помощи, видать, было не в его правилах, – он привык приказывать. Поэтому, судя по резкости его движений, он, видимо, ждал проявления «разумной инициативы» с нашей стороны. Что ж, мы пскопские, мы не гордые.

– Батюшка, может помочь? – ВПСлуга решил проявить разумную инициативу.

– Помоги, – без тени смущения ответил святой отец, слегка скосив взгляд исподлобья.

Сделав Димычу характерный жест «айда», азь невозмутимый с таким усердием принялся расставлять койки по заданной схеме, что отец И – й без видимого беспокойства оставил нас «на послушании» и занялся более интеллектуальной работой. В чём она заключалась, думаю, нет нужды сообщать моему дорогому читателю. А если в двух словах, то «бери больше – кидай дальше, пока летит – отдыхай». Примерно как в армии, только во славу Божию.

Меж тем кровати вскоре выстроились по ранжиру, и мы с «благочестивым, но гордым» были готовы на новые подвиги. Но Господь посчитал иначе – на сегодняшний день с нас достаточно. Отец И-й, закончив свой не совсем интеллектуальный труд, позвал нас в свой кабинет.

Комната, где располагается архондарик, не сказать, чтобы больших размеров, но и не клетушка. Стены сплошь увешаны иконами или заставлены стеллажами.

Аккуратность чувствовалась во всём, а аккуратные люди, как правило, понятливы, немногословны и с плоским юмором к ним лучше не приближаться. Поэтому Г'м решил не испытывать батюшкин интеллект и благоразумно прикусил язык.

Архондаричий пригласил нас в кабинет по одному, записал в книгу наши данные и, ни слова не говоря, выдал нам все причиндалы. Куда направляться, мы уже знали, и не стали задавать лишних «китайских» вопросов. От души поблагодарив отца И – я за проявленную к нам многогрешным милость, и, воздав хвалу Господу нашему Иисусу Христу и его Пречистой Матери, быстренько приготовили свои ложа к опочиванию.

Наших новых друзей на месте не оказалось, видимо они отправились в монастырскую лавку, поэтому нам никто не помешал привести себя в порядок, разобрать вещи и подготовиться к вечерней службе. Понеже азь есмь готовился к причастию, необходимо было вычитать все молитвенные правила. Дима решил присоединиться к нашим друзьям, и, оставшись в одиночестве, Г'м раскрыл молитвослов и целиком ушёл в «пищу, пребывающую в жизнь вечную».

В растворённое окно проникал напоённый ароматом цветов и морской стихии свежий майский ветер. А соловьиные трели, как пение ангелов, не смолкали ни на секунду.

Под такой аккомпанемент и молитва проникала в душу с невероятной лёгкостью и сразу находила отклик в истосковавшемся сердце. Помимо воли на память пришли слова, сказанные кем-то из великих: «Афон – это, может быть, и не совсем рай, но из того, что создано на этой грешной земле, к Раю ближе всего. Аскетический рай». Разве тут поспоришь?

Сколько времени продолжалось моё пребывание в раю, сказать невозможно: это самое время как будто остановилось. «Включил» его мой юный друг, без стука, но со скрипом растворив дверь. По блеску в его глазах и учащённому дыханию можно было подумать, что он долго гнался и, наконец, поймал Птицу счастья. Но всё оказалось гораздо прозаичнее: просто келья находится в пятом этаже.

Немного отдышавшись, Димон произнёс сокровенное:

– Чем занят? – тяга к «китайским» вопросам, видимо, никогда в нём не угаснет.

– Яко свиния лежит в калу, такмо и азъ греху служу, – последовавшая за этим минута молчания явно указала на то, что мой ответ ввёл собеседника в ступор.

– Я гляжу, ты здорово в роль вживаешься, – наконец промолвил благочестивый, но гордый, параллельно развязывая лямки на своём рюкзаке.

– Да како возможеши воззрети на мя или приступити ко мне, аки псу смердящему?

– С тобой всё ясно. А я хотел предложить тебе вместе по берегу прогуляться...

– Ступай, дитя мое, аки баклуши побивати на бреге морском. Но не опоздай ко службе.

Дима сложил в свой безразмерный рюкзак приобретённые в монастырской лавке святыньки и безмолвно, по-английски покинул келию. Азъ же многогрешный тотчас вернулся к прерванному занятию. Перейдя к «Последованию ко Святому причащению» и, дочитав до тропаря дня, вспомнил, что ныне празднуется память великомученика и Победоносца Георгия.

Будучи в паломнической поездке по Каппадокии, Гm побывал на родине святого и приложился к его мощам. На Руси он особо почитаем, даже высшая воинская награда была учреждена в память святого Георгия. Его безстрашие и любовь ко Христу служили примером для русского воинства. Георгиевский кавалер был не просто почитаем в народе, обладатель заветной награды получал пожизненную пенсию и мог безбедно просуществовать остаток дней.

Почти все мои предки, прошедшие через горнило Крымской, Русско-турецкой, Русско-японской или Первой мировой войны удостоились этой высокой награды. А прадед таки вообще стал полным Георгиевским кавалером, за что был удостоен дворянского титула.

К сожалению, ненадолго. «Красное колесо» не оставило от дворянского рода камня на камне, зато предки пополнили сонм новомучеников и исповедников российских.

Покончив с чтением, азъ великогрешный принялся писать поминальные записки, не забыв указать всех безвинно убиенных. А взгляд всё равно манило открытое окно, серебряная гладь Эгейского моря, низкие свинцовые облака, закрывавшие противоположный берег и удалявшие из афонского эфира какофонию пляжных звуков Ситонии. Одинокий парус, бороздивший воды залива, невольно ассоциировался с застёжкой «молния», как бы окутывая тварный мирь непроницаемой оболочкой. Ибо ничто не должно нарушать гармонию Божьего мира.

И всё равно, сколько ни отмахивайся от воспоминаний, они всё равно, словно зубная боль, вновь и вновь, «как пепел Клааса» стучали в моё израненное сердце. Почему?

Терпение, мой дорогой читатель. Следующая глава приоткроет завесу тайны, которая не даёт покоя не только мне многогрешному, но и многим моим соотечественникам, которые пытливно ищут и, как правило, чаще не находят ответы на животрепещущие вопросы. А «ларчик просто открывался»... Если очень захочет его открыть и правильно подобрать ключик.

Глава VI

«Исповедь на заданную тему»

Известно ли тебе, дорогой читатель, что не приведи, Господи, даровать свинье рогов, а холопу барства? Если известно, и ты согласен с этим убеждением на все сто пудов, то ты самый продвинутый человек на земле! Ну, а ежели согласен лишь отчасти, то не дай Бог тебе столкнуться где-нибудь когда-нибудь по жизни или по службе с подобным хамом.

Во Священном Писании чёрным по белому сказано, что следует «отдавать кесарево кесарю, а Божие Богу» [Мф.22;21]. К сожалению, в Нём не сказано, что получать следует кесарю – кесарево, а слесарю – слесарево. Жаль. Было бы поучительно. А то большевики, взяв на вооружение доктрину, что Бога нет, отвергли и Слово Божие. То есть каждому «садись на коня и возьми сам всё, что ты хочешь, если ты храбрый и сильный». То есть, каждому не по труду, не по заслугам и даже не по потребностям, а кто сколько сумеет нагрabить.

В христианской России труд всегда был почитаем, равно как и человек труда. Не берусь судить, Божиим ли промыслом, или по какому другому совпадению, но на трудовой копейке во все времена чеканился образ Георгия Победоносца. Отсюда, собственно, и пошло название «копейка», поскольку святой копьём поперещи змия лукавого – «отца лжи и порока».

В советские времена образ Святого Георгия канул в Лету: на копейках стали чеканить герб СССР. Не стану утомлять читателя всеми теми пошлостями, что «посвящены» серпу и молоту, но то, что отношение к труду, как, впрочем, и к человеку труда резко изменилось, не отрицают даже апологеты коммунизма. Рабский труд из-под палки «во имя светлых идеалов коммунизма» стал настолько одиозным, что получать «на халяву» стало, чуть ли не доблестью.

Воровство вообще стало государственной религией. Лозунг «грабь награбленное» не только не изжит, более того: о том, чтобы отнять и поделить, судачат на всех перекрёстках.

После октябрьского переворота 1917 года встал вопрос о создании новой бюрократии, новой элиты. А где её взять? «Сколь обезьяну не ряди в шелка, она останется обезьяной. Сеньорой надо родиться!» КомуНИЗтическая элита рождалась в халупах и подвалах, а порой была «зачата за три рубля на чердаке». Холопами рождались, холопами и оставались до гробовой доски. Вот только получали вождественное барство, шикарные апартаменты и красивую жизнь.

Газета «Правда» публиковала только советскую хронику, светской не публиковала. О том, как жили партийные бонзы и вся советская номенклатура, мы знаем лишь по рассказам очевидцев, да разве что из просочившихся в демократическую прессу отдельных публикаций.

Например, найденные в подвале особняка Л. П. Берии скелеты тысячи изнасилованных и убитых им женщин, наглядно свидетельствуют о моральном облике вождей первой страны социализма. Кто верой и правдой прислуживал этим «свиньям в ермолке», либо хранили обет молчания, в соответствии с подпиской о неразглашении, либо рассказывали только в тесном кругу. За утечку язык вырывали вместе с головой. Поэтому слуги были несловоохотливы.

И лишь те, кому выпала «честь» случайно соприкоснуться с «хозяевами жизни», могли рассказать много интересного. Им уголовная ответственность не грозила, вот только парадокс: слушать их как раз никто и не хотел! Настолько чудовищной была правда, рассказанная ими, и так контрастировала с официальной пропагандой, что поверить в неё советские люди просто не могли! Даже считали рассказчиков, чуть ли не врагами народа, «сдавали» компетентным органам, а те отправляли их в психушки, чаще на кичу, а то и сразу в мирь иной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.